

БОРИС ЩЕРБАКОВ

У ОЗЕРА ЗВЕНЯЩИХ КОЛОКОЛОВ

На имя
госпитали
работавшим
им. А. А. Таубаева
и Бибиковым
Смир. М. В. >

БОРИС ЩЕРБАКОВ

У ОЗЕРА ЗВЕНЯЩИХ КОЛОКОЛОВ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»
АЛМА-АТА — 1980**

ББК 28. 688 (2К)

Щ 61

В книге использованы фотографии:
Б. Бондина, Г. Линкевича, А. Лухтанова,
В. Мосолова, В. Нетисова, Б. Щербакова,
В. Якушкина

Щ $\frac{70302-108}{408 [05] 80}$ 183 — 80 — 4702010200

© Издательство «ЖАЛЫН», 1980

ОСТРОВК ПРОШЛОГО

Удивительна земля Восточного Казахстана. Чем больше ее узнаешь, тем больше восхищаешься и привязываешься к ней и тем больше загадок загадывает она. Все эти тайны, большие и малые, связаны прежде всего с особым географическим положением и историей этого края: здесь заканчивается Сибирь с

ее тайгой и соболями и начинается необъятная степь Казахстана с шелковистыми ковылями и сизой полынью— настоящим царством жаворонков. Здесь на высокогорных тундрах Алтая и Саура, увенчанных вечными снегами и льдами, живут некоторые животные и растения, пришедшие с далекого Севера: карликовые березки, белые куропатки. Ниже, у подножий гор, в глинистых пустынях и полупустынях, в горячих песках Зайсанской котловины ощущается знойное дыхание Центральной Азии с ее тушканчиками и птицами-пустынниками. Здесь крепко-накрепко сомкнули руки Север и Сибирь с Центральной Азией и Югом Казахстана.

Природа всегда в движении: проходят века, тысячелетия, в степях поднимаются леса, а там, где были леса, образовалась пустыня, на равнинах выросли горы, где было холодно и сыро, стало тепло и сухо. Меняется климат, меняются флора и фауна. Вот и здесь, нет-нет, да и встретишь следы давно минувшей жизни, которые сохранились на небольших островках земли.

На Монраке, вытянутом вдоль южной границы Зайсанской котловины, на этом сухом и каменистом хребте, опаленном солнцем, суховеями, и вдруг— реликтовые заросли маральего корня! А восточнее, в долине ключа Узун-Булак растет алтайский троллиус, или как его называют еще — сибирский огонек. И не древние пихты и ели, как прежде, шумят над ним, а горячие степные ветры. А в прокаленных насквозь песках Айгыр-Кум и Тас-Кум, раскинувшихся на востоке котловины, южнее Черного Иртыша, среди желтых барханов блестят листвою рощицы тяньшанской березы, стоящие в окружении серебристого и черного тополей, а то и просто среди тростников.

Не менее интересна и судьба местных животных. В горах Саура можно встретить тундряных куропадок, а в песках Айгыр-Кум у Черного Иртыша, по зарослям тополей, ивняков, облепихи и все тех же берез гнездятся... тетерева. Странно, тетерев-косач среди песков, где в знойный день дышать-то трудно?! А разве не поражает тот факт, что на горе Карабирюк, которая одиноко возвышается среди сухих глинистых просторов северного Призайсая, живут сурки! Десятки километров пустыни отделяют их от ближайших гор. Как, когда они попали сюда через пустынное безводье?

Единственный экземпляр полосатого полоза в нашей стране был пойман в сухом каменистом ущелье хребта Монрак. И совсем недавно зоологом К. П. Прокоповым в песчаной пустыне у поселка Буран было отловлено несколько восточных удавчиков — змей песчаных пустынь, расположенных южнее, в Балхаш-Алакольской впадине на юге Казахстана. Каким образом оказались они на правом берегу Черного Иртыша? Можно ли считать, что они жили здесь до того, как Иртыш проложил себе путь через эту землю?

Много еще реликтов на земле Восточного Казахстана, но наиболее интересной в этом смысле мне представляется Зайсанская котловина...

Меняются времена года, меняется и Зайсанская котловина. Все лето и осенью она желтая, рыжая и будто бы с налетом пепла, зимой — робко белая с большими плещинами голой земли, и только весной котловина вспыхивает изумрудной зеленью, серебром шелковистых ковылей. Не бывает она одинаковой даже в течение суток. Чиста и прозрачна ее даль ранним утром. Ближе к полудню котловина раскаляется и начинает полахать миражами, плывут над горизонтом в северной части очертания неповторимых в своей красоте Киин-Кириш, Ашудасты, Кусто, Ярки... Острыми клиньями врезаются в озеро Зайсан мысы Бархот, Бакланий и Корджун. У северного берега дыбится над водой гора Чакельмес, а дальше на равнине темнеет Карабирюк, от которой на восток тянется длинная гряда низких сопок. Белым платком на равнине, покрытой чахлой травой, сверкает сухое дно озера Соркуль с ослепительной коркой соли. И опять плещется древний Зайсан, кажется издали, что он до краев наполнен солнечным светом...

А в полдень котловина и озеро тонут, растворяются в горячей дымке. Медленно тают вершины Карабирюк и Чакельмес. Лишь под вечер ветру удается сдернуть с земли эту призрачную чадру. А седой Зайсан все волнуется, охая и вздыхая колотится в пустынных берегах...

КИИН-КИРИШ

Пустыня всегда поражает воображение человека. Но маленькая глинистая пустыня Киин-Кириш в северном Призайсанье — это действительно чудо нашей планеты. Киин-Кириш может очаровать каждого своей необычной яркостью: разноцветные холмы, «башни», «замки» и «юрты» окрашены в кирпично-красные, шоколадные тона, разлинованы зеленоватыми, голубыми и белыми пластами. Если посмотреть на пустыню сверху, покажется, что под тобой маленькая планета с таинственным и красочным ландшафтом. А впервые увидев Киин-Кириш, я назвал ее для себя Марсианской долиной. Мне казалось, что здесь из-за какого-нибудь холма может вполне появиться некое доисторическое чудовище и ничего необычного в этом не будет.

Киин-Кириш, как и вся Зайсанская впадина, — это большая книга, бережно хранящая следы исчезнувшей с лица земли жизни. Но чтобы прочесть эту книгу, необходимо заглянуть в ее толщу...

Мне представляется одна из первых страниц этой книги. Я видел ее во время поездки в одно из ущелий Сайкана, запирающего с юга Зайсанскую котловину. По склонам, стискивающим отроги гор, четко просматривались разноцветные окаменевшие пласты древних отложений. А вокруг темнели от пустынного загара камни, покрытые накипью лишайников, и чахлые кустики редкой травы. В июльском зное ошалело стрекотали полчища кобылок. Лишь каменки и скалистые овсянки приятным пением разнообразили этот истошный хор. По дну ущелья бежа-

ла светлая, холодная речка Ак-Калка. На ее берегах можно найти удивительные камни: разобьешь такой булыжник — и увидишь великолепные отпечатки древних рыб, некогда плававших в древних морях. С тех пор прошло ни много ни мало около трехсот миллионов лет, это было время, когда на земле еще не было ни одного живого существа, дышавшего воздухом. Животным только предстояло выйти из воды на сушу, сделать свои первые шаги, взглянуть на солнце...

Менялся облик планеты, наступило время царствования древних ящеров-динозавров. Эти гигантские животные бродили в зайсанских просторах. Там, на южном берегу озера, по речке Тайжуген, чуть выше впадения в нее ключа Саргымас, геологами была найдена скорлупа яиц этих ящеров.

В разных местах Зайсанской впадины ученые-палеонтологи нашли кости самых удивительных зверей. Тридцать-тридцать пять миллионов лет назад, когда еще не было Алтайских гор, здесь простирались обширные лесостепи и саванны, по которым бродили стада газелей, антилоп, страусов, гиен и оленей...

В глинах Киин-Кириш обнаружены следы некогда бродившего здесь нашего первого предка-примата, «возраст» которого не менее тридцати миллионов лет.

Вспоминаются увиденные мной раскопки в северных предгорьях хребта Сайкан, в урочище Караунгур. Под метровой толщей одного из пологих склонов были найдены кости многочисленных животных — все тех же гиппарионов, махайродусов, страусов и гиен... Трудно сказать, что послужило причиной их коллективной смерти. Ученые считают, что они могли погибнуть от внезапного наводнения, или же наоборот — в результате длительной засухи, во время которой звери со всех окрестных мест собирались в одной точке, у водоемов. А может быть, река, особенно в половодье, смывала эти кости и сносила их в одно место. Не исключаются и другие причины.

Трудно теперь представить, что на месте этих безжизненных глин цвели и благоухали тропические леса из магнолий, пальм, араукарий, гинко, ильма и многих других экзотических ныне деревьев. Зеленые ковры водного папоротника-сальвинии покрывали теплые мелководные озера и болота. Но прошло время большой воды, и теперь влага появляется здесь только в виде редких дождей и

снега. Но по-прежнему она в содружестве с ветром настойчиво обрабатывает почву, окрашивая своими потоками равнину, подступающую с севера к Киин-Кириш.

На этом клочке зайсанской земли мы можем увидеть немало свидетельств того, как по вине человека исчезли многие звери, птицы, как остались лишь островки, на которых чудом сохранилась жизнь. Это, например, замечательный и редчайший грызун-селевиния, один единственный экземпляр которого был пойман на юге котловины в предгорьях Монрака. Пока только у поселка Буран найден хомячок Пржевальского, а на берегах Зайсана тушканчик Виноградова. Есть еще редкие звери, птицы и растения, дальнейшая судьба которых полностью зависит от человека.

А сама Киин-Кириш! Разве это не чудо здешней природы, разве это не памятник истории земли? Ее нужно занести в список уникальных ландшафтов... Рассказывают, что после нескольких дней пребывания среди слепящего солнца этой пустыни у человека начинаются галлюцинации. Трудный красавец — вот что в переводе с казахского означает Киин-Кириш.

Пустыня, словно море, безбрежная, вольная. Смотришь на ее необъятные просторы — и приходит желание хотя бы на миг представить ее прошлое, мысленно наполнить котловины, лежащие в кружеве синих гор, изнывающие в текучих струях сухого горячего воздуха.

В этом море горячего воздуха пламенеют разноцветные глины. Я иду по дну сухого моря и надо мной, словно огромные скаты, плывут орлы. Тени их бесшумно скользят по равнине, усыпанной мелкими, кремовыми окатышами. В зените — жгучее солнце. Гулкими стонами отзываются шаги на цементированной почве. Слышно, как поскрипывает, будто молотое стекло, галька... Вдали едва виднеется, качается на легком ветру серебряный Зайсан. Сухо царапают сапоги стебли пересохшей травы, с треском лопаются полые стебли ферул.

Здесь всегда находишь что-нибудь новое, удивительное. На этот раз с одним из частых моих спутников мы бродили по Киин-Кириш, нагружившись причудливыми корягами, кусками разноцветной глины, костями, отбеленными солнцем и ветром до блеска.

Мы зашли в неглубокий каньон, стиснутый отвесными красными стенами. В небольших нишах неподвижно висели полуоборванные сети пауков. Положив находки, мы осмотрели размытую трещину, в которой валялись перья филина. Здесь он, видимо, часто отдыхал во время зноя. Затем я нагнулся за нашими корягами и удивился: они словно перекрасились, из серых и белесых стали вдруг синеватыми. И лица наши посинели. А обломок почти красной глины потерял свой насыщенный цвет и стал бледно-морковным. Мы обратили внимание, что и воздух налился синевой. Однако больше всего поразили нас зеленые анабазисы: их листья-иглы обрели необыкновенно яркий, ранее невиданный нами изумрудный цвет. Товарищ, очарованный этим необычным цветовым превращением, принялся собирать гербарий. Однако взглянув еще раз друг на друга, мы перебрались в другую промоину среди таких же красноватых глин и вдруг дружно позеленели. Это было фантастично, цвета менялись часто и ни разу они не запомнили нам нечто привычное, земное.

Не решившись более испытывать свои нервы, мы выбрались из промоины к солнцу, открыв для себя еще одну причуду Киин-Кириш.

НАХОДЧИВЫЙ БЕРКУТ

В сизом от зноя небе, над опаленной Киин-Кириш, летел беркут. Ему было легко парить в восходящих от земли теплых струях воздуха, но сколько бы он ни смотрел, где бы сесть: ни холма, ни надмогильных развалин, ни столба. Беркут направился было к горам, что синели вдали, но тут на иссушенной глинистой

земле увидел маленький осколок чистого неба... Он сделал несколько кругов, снижаясь над находкой, плавно опустился и, выгнув шею, нескладно заковылял на своих крепких лапах к светлому пятну. Подошел, сунул клюв в это маленькое небо и оно колыхнулось. Это была лужица всего в три шажка в длину и два в ширину. Каким-то чудом она уцелела на этой, растрескавшейся от безводья земле! Орел напился и шагнул в лужу. Ему страшно захотелось выкупаться. Еще бы, вода в пустыне! Он распустил крылья и завалился в лужицу. Лежать в воде среди пустыни оказалось сверхблаженством: он вытянул шею, распластался от удовольствия. И ничего, что сверху по-прежнему пекло солнце, вода все-таки освежала.

Именно в этот час, недалеко от дороги, среди тщедушных кустиков полыни, мы заметили лежащего на земле беркута с разметанными крыльями. Мы решили, что птица мертва, но стоило только подойти поближе, как беркут поднял голову, подобрал крылья и, оттолкнувшись сильными ногами, поднялся и низко, едва касаясь земли, отлетел метров за триста. Сел и стал чистить испачканные глиной перья.

А едва мы отъехали, он вернулся, забрел в воду и растянулся в ней, положил голову наземь, словно прослушивая пульс пустыни...

Давно известно, что такие хищники, как орлы и лисицы, живут как враги: голодные беркуты нередко нападают на длиннохвостых, а лисица, надо полагать, не упустит случая придавить на ночном промысле орленка, легкомысленно вылетевшего или выпавшего из гнезда. Однако, чтобы взрослые орлы служили жертвой лисиц — явление, по-видимому, редкое. По крайней мере, так думал я, пока не стал свидетелем любопытной сцены среди цветистых холмов Букомбая, расположенных в северной части Зайсанской котловины...

С первыми проблесками света в тот июньский день я оставил спящий лагерь и направился в увалы глин, которые крепко-накрепко прикипели к чахлому однообразию в своем цвете равнины. В глубоких промоинах светились изумрудно-зеленые кусты караганы, спиреи и ферулы. Всплескивая темными крыльями, «чекали» и приседали порхающие по уступам розовато-черные пустынные каменки. Показался беркут. На бреющем полете он прошелся над холмами и опустился на склоне одного из них. Я отлично видел его в бинокль: белые пятна помета на макушке увала свидетельствовали о том, что орлы любили здесь отсиживаться. Пока я разглядывал орла, из-за ближайшей горки выскользнула лисица и бесшумно затрусилась к птице. Вытянув хвост, она медленно подходила к беркуту, тщательно внюхиваясь и постоянно оглядываясь. Пока я следил за сближением зверя и птицы, рядом с первой лисицей появилась вторая, потом третья и через минуту их было уже восемь. Восемь лисиц стояли кругом около беркута. Можно было подумать, что беркут — именинник и вокруг него звери ведут хоровод. «Именинник» не проявлял сколь-нибудь заметного страха, а лишь спокойно поглядывал то на одну, то на другую лисицу. Они подошли метра на полтора, потом интерес к беркуту как бы ослаб, они стали садиться, озираться по сторонам и почесываться. Спешно занимаю удобную позицию и выцеливаю эту компанию в «телевик». Но увы, как это бывает нередко, в подобных редчайших ситуациях, едва раздался щелчок затвора, как лисицы метну-

лись по сторонам в неопишуемой панике, следом снялся и орел. Он медленно поплыл к отдаленной сопке, что возвышалась над другими, и неподвижно застыл на ее вершине. И тут произошло самое интересное: лисицы одна за другой стали собираться подле беркута. Как видно было, они полностью доверяли ему.

Как можно тише крадусь к ним. Однако стоит мне выглянуть из-за угла, беркут мгновенно замечает меня и слетает со своего наблюдательного пункта. В разные стороны бегут лисицы. И вот пернатый хищник опять темнеет на вершине глиняного купола. Опять вокруг него собираются звери, теперь уже только вчетвером. Они обеспокоены, смотрят в мою сторону, прислушиваются.

И я понял, что подслеповатые по сравнению с птицей лисицы полностью доверялись зрению орла. Они словно знали, что он обладает таким острым глазом, как они слухом и чутьем. А ведь в первый раз орел взлетел только потому, что заметил, как лисицы испугались, услышав щелчок затвора. Разве не добрые соседи? Получается, что у них общие слух, нюх и глаза. Вот и попробуй подкрадись, если тебя видят и слышат за километр.

Но правила добрососедства имели и свои исключения. Так однажды, посетив цветные глиняные Ярки у горы Чакельмес, — там тоже много было лисиц и орлов — я наткнулся на труп лисенка. У малыша был вырван бок. Рядом, на глине, белели пятна орлиного помета. Ясно было, что лисенок оказался жертвой хищной птицы.

КРУГЛОГОЛОВКИ

На плотных глинах, окрапленных мелким разноцветным бисером камешков, встречаются замечательные такырные круглоголовки. Спокойно сидящую ящерицу где-нибудь у кустика или на прогалинке заметить практически невозможно, ее увидишь только тогда, когда она пускается наутек. Если рассмотреть ящерицу, то вы увидите некоторые присущие ей особенности, делающие ее на вид карикатурной. Толстый жабий живот. На тонкой подвижной шейке круглая голова, тоже

похожая на жабью. Глаза слегка навывкате, спрятанные в кожистые серые веки, отчего кажутся старыми и усталыми, а взгляд — добрым и мудрым. И рот у нее странный, что называется, до ушей, в виде тонкой подковки. Серовато-палевая окраска кожи под стать к глинистым участкам, а шероховатость ее и разноцветные бугорки и выросты, расцвеченные красноватыми и синеватыми точками, словно камешки этой пустыни.

Пойманная ящерица, словно поняв, что вырваться бесполезно, прибегает к маленькой хитрости: она предварительно делает несколько глубоких вздохов и замирает, опрокинувшись кверху светлым брюшком. Она наглухо закрывает глаза и, разбросив в стороны лапки, лежит бездыханная. Можно подумать, что она знает закон о том, что лежащего не бьют. Но если минуту-две ее не трогать, она мгновенно переворачивается и бросается бежать, вихляя из стороны в сторону, то и дело натываясь на кусты и камешки. Останавливается лишь на миг, чтобы оценить обстановку, и опять бежит, куда глаза глядят. Время от времени она останавливается, скручивает на спине полосатый темно-оранжевый хвост и нервно помахивает им, а сама все время бдительно смотрит на этот древний мир своими «старыми» глазками и печально и загадочно «улыбается» неизвестно чему. Но я знаю, что ей не до улыбок, попадись она хищной птице или змее — не отпустят.

ЧИЕВНИКИ

Чиевники — самые распространенные заросли котловины. Они встречаются всюду на глинистых и каменистых равнинах. Они покрывают предгорья, одиночными пучками стоят вокруг родничков и нередко щетинятся среди поселков и аулов. Однако более всего они распространены в южной и юго-восточной частях котловины, по солонцам. Здесь куст от куста стоит всего лишь в нескольких метрах или почти вплотную, а между ними белесая от проступившей соли земля. Так

что идти здесь легко. Однако бродить среди чиевников неинтересно, они порой бывают настолько однообразными, что находиться в них просто скучно, и появляется желание, как можно скорее уйти. А заросли тянутся на десятки километров, и куда ни глянешь — повсюду только ажурные, слегка опущенные вершины его стеблей.

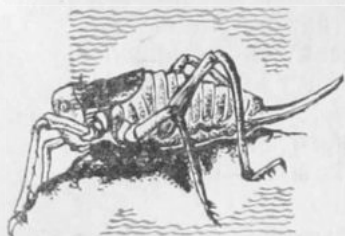
Чиин заселены странно: в одних местах встречается обилие мелких птиц, в других, напротив, ни пичуги, ни следа, только свищет с подвываниями ветер. Самыми обычными обитателями этих зарослей можно назвать малоприметных маленьких птичек — бормотушек. Если погода тихая, то их песни-скороговорки слышатся за десятки шагов. Не песня, а бормотание, за что, по-видимому, они так и названы. Бормотушки, усевшись в гуще кустов или на середине крепких чиинков, раздувают, как славки, горлышко, и льются воркующие переливчатые звуки. Как и вся местность, они рыженькие, и сидящую спокойно птичку не сразу заметишь. Совсем другое дело, когда встретишь семью черноголовых чеканчиков, будто сшитых из разноцветных лоскутов: они далеко видны и надоедливы. Раскачиваясь на макушках зарослей, они дергают темными хвостами, трепещут пестрыми крыльшками и чекают до тех пор, пока человек не выйдет из их владений. Только уйдешь от одного семейства, попадаешь к другому и так без конца — чеканчиков здесь много.

Кругом ни озерка, ни ручейка — безводье, а птицы, в основном связанные с влажными луговинами, оказываются, прекрасно живут здесь. Изредка среди редких зарослей можно встретить и черного жаворонка, вот, пожалуй, и весь перечень птиц сплошных чиевников. Из зверей трудно кого-либо увидеть, только по следам можно узнать, что бывают здесь ушастые ежи, лисицы, корсаки и зайцы-песчанники.

Кусты крепкие, стволы его на ощупь шершавые, как наждачная бумага. И с порывами ветра они начинают скрежетать и шуршать. Сухо и уныло поет тогда эта своеобразная желтая саванна. Ветры здесь — явление обычное: со всех сторон они атакуют просторы. В это время заросли на глазах преображаются, кусты под напором ветра пригибаются в одну сторону и становятся похожими на полчища гигантских дикобразов, воинственно устремленных навстречу ветру.

Ранней весной и в начале лета чии у основания покрываются зелеными молодыми листьями, а на длинных стеблях образуются пышные метелки, и в это время чиевые заросли напоминают низкорослый тростник. Всем давно известно, что заросли чии указывают на наличие воды на небольшой глубине. Это обстоятельство раньше использовали пастухи, здесь надо рыть колодец, знали они. Встреча с чиевником длится недолго, ведь все сейчас путешествуют на колесах, а это значит несколько минут, и позади остаются десятки километров. Поэтому, оказавшись в зарослях чиевников, я связываю их не с близостью грунтовых вод, а с полчищами «дикобразов», бредущих против ветра.

МУЭДЗИНЫ ПУСТЫНИ

Когда багровое солнце скрылось за далеким горизонтом и над причудливыми глинами Киин-Кириш засветили стаи стрижей, мы с товарищем повернули к лагерю. Темнело быстро, а до лагеря было далековато.

Непонятно, где зазвенел кто-то тонко и пронзительно. Установить источник этого звука было невозможно, похоже, что вся пустыня наполнилась этим чудным звоном. Опыт подсказывал, что это какое-то насекомое. И мы решили отыскать невидимого вечернего певца.

Сбросили амуницию и кинулись по сторонам на поиски. Торопимся, пока еще хоть что-то видно. Проходят минуты, звон не прекращается, а мы бестолково крутимся посреди пустыни, оглядывая и ощупывая землю и кусты. То вдруг начинает казаться, что звон впереди, однако стоит сделать несколько шагов, и он уже вроде бы позади, потом где-то сбоку. Подобное состояние я испытывал однажды, пытаясь найти ремезов в гуще ветвей: писк их настолько тонкий, что трудно бывает определить, где сидит птичка.

Вдруг я заметил на коротеньком кустике оригинального растения пустыни и полупустыни анабазиса, малень-

кого музыканта. Заметил и ничего не понял, кто это — кузнечик или сверчок? Сидит на веточке крупный и толстый «желудь». Мы припали к земле, подползли, рассматриваем, слушаем... Стараемся не тревожить это странное с виду существо. А оно сидит и, как тот знаменитый соловей-разбойник, зная себе, свищет на всю округу. На толстом и белесоватом туловище, прикрытом сверху коротенькими крылышками, крупная голова. Ноги такие же, как у кузнечика — коленками назад, но менее изящные. Звенит это «чудище» около наших носов и нас не замечает. Подбираемся еще ближе, интересно, как же это у него здорово получается?! Ножками не стучит, крылышками не трясет. Но мы заметили, что крылышки-то у певца оттопырены, под ними маленькие округлые отверстия и звук, надо полагать, исходит оттуда...

Такого мы раньше никогда не видели и, понятно, как велик был наш интерес к этому загадочному существу.

Насекомое умолкать не собиралось и по-прежнему звенело на высоких нотах. Мне он напоминал муэдзина, кричащего с минарета, которого еще в детстве я слышал в небольшом среднеазиатском городке — Узгене. Как заколдованные, мы с товарищем продолжали удивляться необычной песне этого муэдзина пустыни. Увлечшись, мы так приблизились к анабазису, что я умудрился боднуть кустик, на котором сидел маленький солист. Он в тот же миг оказался на земле и, неуклюже, чуть боком, засеменял, волоча тяжелое брюшко. Не упускать же «чудо-певца!» Мы кинулись его ловить, но «зверь» тотчас остановился, приподнял передние лапки и издал серию таких тонких и скрежещущих звуков, что хоть уши затыкай. Я накрыл его ладонью. За неимением подходящей тары пленника посадили в футляр от бинокля.

Мы были счастливы, что обрели такого прекрасного музыканта. В небе уже зажглись первые звезды. Непривычная тишина давила, однако в ушах еще некоторое время стояла песня нашего пленника. И тут мы снова услышали такого же музыканта. Вскоре он разделил одиночество своего собрата.

Мы начали искать брошенные вещи, но не тут-то было. Оказывается, мы так закрутились, что совершенно потеряли ориентировку. И снова поиски, пока, наконец, не наткнулись на вещи.

В лагере футляр с необычными насекомыми мы по-

весили на дверцу машины. На рассвете, как только заалела полоска неба, над лагерем возродился и повис звон. Дуэт шестиногих музыкантов слышался из висящего футляра, как из волшебной шкатулки. Только утренняя серенада оказалась очень короткой, и нам показалось, что звучала она как прощание с родной пустыней. Мы ведь знали, что в полдень увезем их далеко отсюда.

Дома я выпустил пленников в своей коммунальной квартире. Им неловко было бегать по крашеным полам и вообще они выглядели несчастными. Они прятались от дневного света среди комнатных цветов. На удивление эти жители безводных пространств много пили или же поедали сочную травку. Вероятно, у себя дома они утоляют жажду за счет воды в листьях солянок и того же анабазиса. Более месяца прожили эти странные насекомые у меня дома. Однако ни разу я не услышал желанного звона. Петь они не хотели. А комнатная прохлада и зелень с красными цветами в горшках были им чужды.

И только после я узнал, что насекомые эти называются кузнечиками-онконотусами, у которых крылья, утратив свое предназначение, превратились в стрекотательный аппарат, благодаря которому они так чудно озвучивают самые пустынные уголки Зайсанской котловины на вечерней и утренней заре.

НЕПОНЯТНЫЕ УТКИ

Красную утку или атайку в разных местах называют по-разному, зовут ее варнавкой, огарем. И, пожалуй, нет никакой другой утки, которая бы в гнездовое время встречалась в сухих и совершенно безводных местах. Они имеют привычку совершать далекие облеты, словно каждый раз хотят убедиться: не появился ли где родничок, а может быть, образовалась лужица после случайного дождя. И надо отдать должное, что нет здесь ни одного ручейка, чтобы его не знали атайки. И, пожалуй, в таком случае атайки могут подсказать, в какой сторо-

не искать воду. Появление атаек над пустыней говорит о том, что где-то среди пустыни находится усыхающее озеро или ключик, спрятанный среди чиевников. Летят они низко, не спеша, и свойственными для них сипловатыми криками переговариваются: анг-анг, кау-кау-кrrrr!

Всегда восхищаюсь утками-варнавками, их способностями быть на виду и в то же время на расстоянии, безопасном для них. У меня и сейчас перед глазами стоят стайки и пары этих уток, летающих кругами над яркими пестроцветными глинами Киин-Кириш. Обнаружив однажды наш лагерь, они регулярно, каждое утро и вечером, прилетали, кружили около, садились на выступающие башни останцев. На фоне этих красивейших глин их рыжие с белыми лоскутами крылья казались еще ярче, еще наряднее, рыжее брюшко и спина буквально светились среди сургучно-красных куполов и башен. Их светло-палевые, почти белесые головы и плечи, словно посыпанные белой пылью солонцов, будто отражали светлые пласты и мадушки глинистых холмов. Черные концы крыльев и хвосты еще более подчеркивали красноцветную пестроту этих сказочных птиц. Словно поняв, что мы очарованы, утки кружили над фантастическим ландшафтом Киин-Кириш и, как бы случайно, налетали на нас. Затем садились, но так, чтобы обязательно видеть нас, тянули шею и о чем-то громко совещались. Затем снимались и, переговариваясь, улетали в сторону Зайсана или в глубь пустыни, чтобы появиться утром или вечером и осведомиться, убралась мы или нет.

Всем, кто побывал в пустынях Казахстана, варнавка хорошо знакома, разумеется, лучше всех о ней знают натуралисты. Если говорить о гнездовании, то тут она ведет себя не как утка. Гнезда устраивает в норах, промоинах или даже в глинах. Находили гнезда варнавки и в полуразвалившихся мазарах, и в различных ямах.

Непонятные эти утки! Водоплавающие и вдруг гнезда за десятки километров от воды. Мне, например, совершенно непонятно, как это они, гнездящиеся вдали от озер и рек, умудряются привести крошечных лапчатых утят через иссохшуюся, перекареженную дождями и солнцем землю. Так однажды мы наткнулись на разоренное утиное гнездо, находившееся в небольшой глинистой нише, километров за двадцать от воды. Вокруг были только ошестинившиеся скелеты злаков и кусты солянок. Невозможно представить, чтобы утята прошли это расстояние

под убийственным солнцем. Взрослому человеку пройти этот путь трудно. А тут игрушечные птенцы. Поэтому невольно приходится поверить рассказам пастухов и охотников, что варнавки своих птенцов переносят в лапах до ближайшего водоема. Разве не удивительная эта птица?

Кто больше, если не они, своим присутствием оживляют безотрадные пустыни. Каждый раз во время долгого пути испытываешь чувство радости, встречая этих рыжеватых птиц, являющихся подлинным украшением безотрадных равнин. Неоднократно в предгорьях Саура, Тарбагатая и Курчумского хребта, вблизи одиноких пастушьих юрт, я видел парочки этих уток, отдыхающих всего лишь в нескольких шагах от жилища. Такое отношение атаек объясняется тем, что их здесь не преследуют. Утки очень доверчивы к степнякам, которые считают их священными. О них сложены легенды. Но мне больше всех понравилась та, что связана с довольно странным названием огаря у казахов: ит-ала-каз, что в буквальном переводе означает собака-пестрый-гусь. Эта легенда очень хорошо описана у известного натуралиста и орнитолога Евгения Павловича Спангенберга, изучившего казахские степи за многие годы странствий. «В то далекое время также широко простирались необъятные казахстанские степи, рос саксаул, ранней весной зеленели травы, да по степям бродили стада баранов, табуны лошадей. Порою с монотонным звоном колокольцев пустыню пересекали караваны верблюдов. На своих высоких горбах они несли товары в Бухару и Хиву.

Тогда по степным просторам кочевали казахи, их юрты, то просторные и нарядные, то прикрытые потемневшей от дыма кошмой, стояли у степных колодцев. Жили в них богатые и бедные люди. Уже в то время среди скотоводов-кочевников существовало поверье, что редко-редко, быть может, один раз за несколько сотен лет, в одном из яиц красной утки зарождается не утенок, как в прочих яйцах, а казахская борзая собака — тазы. Найти такое гнездо считалось большим счастьем, а это счастье, по мнению кочевников, давалось далеко не каждому человеку. И вот жил тогда со своей семьей один бедный казах. Зимой и летом, с раннего утра до поздней ночи, он пас в степи баранов, то изнемогая под горячими лучами солнца, то ежась от холодного осеннего ветра. Однообразно протекала его жизнь. Но однажды летом волк ворвался в стадо и утащил одного из лучших баранов. Оставив свое-

го сына сторожить отару, пастух оседлал лошадь и поехал выследить волчье логово. Его безуспешные поиски продолжались весь день. Зашло солнце, и тогда он, стреножив свою лошадь и путив ее пастись, лег у подножия песчаного бугра, укрылся халатом и крепко уснул.

Ранним утром, когда степь еще была окутана в предрассветные сумерки и по песку бесшумно скакали земляные зайцы, его разбудил голос какой-то птицы. Открыв глаза, он увидел двух красных уток. Они низко летали над ним и громкими криками выражали свое беспокойство. Рядом с тем местом, где он провел ночь, в разрушенной норе лисицы гнездились утки. Близкое присутствие человека и беспокоило красных уток. Пастух заглянул в темное отверстие норы, да так и отшатнулся назад. Там, в гнезде, среди только что вылупившихся из яиц утят, покрытых пухом, лежал совсем маленький светло-желтый щенок. Пастух осторожно вынул из гнезда утки собаку, завернул ее в платок и, наскоро оседлав лошадь, поскакал со своей чудесной находкой к родному аулу. Семья пастуха окружила щенка заботой и любовью. В неге и холе быстро росла собака и вскоре из неуклюжего, толстого щенка превратилась в прекрасную быстроногую тазы.

И вот с этого времени в юрту пастуха рекой потекло счастье. Чтобы он ни делал, за что бы ни брался, всюду его ждала удача. В свободное время пастух все чаще выезжал на охоту в степь и там наслаждался быстротой и неутомимостью своей помощницы. Быстрее ветра носилась собака по степным просторам, и от нее не могли уйти ни быстроногая антилопа-джейран, ни песчаный заяц, ни хитрая лисица. Даже дрофа-красотка, обладающая быстрыми ногами и крыльями, не успевала подняться в воздух, а попадала в пасть гончей собаки. Из лисьих шкур жена пастуха шила шапки, обменивала их на баранов и красивую одежду, а мясо пойманных антилоп и зайцев обменивала у соседей на молоко, сыр и масло. И стало им жить сытно и весело, с каждым днем все лучше и лучше, а с благополучием появилось много друзей.

В праздники к пастуху нередко съезжались гости, чтобы потешить себя веселой охотой, показать другим свою удачу и умение справляться с полудикой лошадей. Одни из них привозили лучших борзых собак, другие — крупных орлов-беркутов, полосатых ястребов. Своих ловчих птиц они натравливали на степную дичь. И тогда над сте-

под убийственным солнцем. Взрослому человеку пройти этот путь трудно. А тут игрушечные птенцы. Поэтому невольно приходится поверить рассказам пастухов и охотников, что варнавки своих птенцов переносят в лапах до ближайшего водоема. Разве не удивительная эта птица?

Кто больше, если не они, своим присутствием оживляют безотрадные пустыни. Каждый раз во время долгого пути испытываешь чувство радости, встречая этих рыжеватых птиц, являющихся подлинным украшением безотрадных равнин. Неоднократно в предгорьях Саура, Тарбагатая и Курчумского хребта, вблизи одиноких пастушьих юрт, я видел парочки этих уток, отдыхающих всего лишь в нескольких шагах от жилища. Такое отношение атаек объясняется тем, что их здесь не преследуют. Утки очень доверчивы к степнякам, которые считают их священными. О них сложены легенды. Но мне больше всех понравилась та, что связана с довольно странным названием огаря у казахов: ит-ала-каз, что в буквальном переводе означает собака-пестрый-гусь. Эта легенда очень хорошо описана у известного натуралиста и орнитолога Евгения Павловича Спангенберга, изучившего казахские степи за многие годы странствий. «В то далекое время также широко простирались необъятные казахстанские степи, рос саксаул, ранней весной зеленели травы, да по степям бродили стада баранов, табуны лошадей. Порою с монотонным звоном колокольцев пустыню пересекали караваны верблюдов. На своих высоких горбах они несли товары в Бухару и Хиву.

Тогда по степным просторам кочевали казахи, их юрты, то просторные и нарядные, то прикрытые потемневшей от дыма кошмой, стояли у степных колодцев. Жили в них богатые и бедные люди. Уже в то время среди скотоводов-кочевников существовало поверье, что редко-редко, быть может, один раз за несколько сотен лет, в одном из яиц красной утки зарождается не утенок, как в прочих яйцах, а казахская борзая собака — тазы. Найти такое гнездо считалось большим счастьем, а это счастье, по мнению кочевников, давалось далеко не каждому человеку. И вот жил тогда со своей семьей один бедный казах. Зимой и летом, с раннего утра до поздней ночи, он пас в степи баранов, то изнемогая под горячими лучами солнца, то ежась от холодного осеннего ветра. Однообразно протекала его жизнь. Но однажды летом волк ворвался в стадо и утащил одного из лучших баранов. Оставив свое-

го сына сторожить отару, пастух оседлал лошадь и поехал выследить волчье логово. Его безуспешные поиски продолжались весь день. Зашло солнце, и тогда он, стреножив свою лошадь и пустив ее пастись, лег у подножия песчаного бугра, укрылся халатом и крепко уснул.

Ранним утром, когда степь еще была окутана в пред-рассветные сумерки и по песку бесшумно скакали земляные зайцы, его разбудил голос какой-то птицы. Открыв глаза, он увидел двух красных уток. Они низко летали над ним и громкими криками выражали свое беспокойство. Рядом с тем местом, где он провел ночь, в разрушенной норе лисицы гнездились утки. Близкое присутствие человека и беспокоило красных уток. Пастух заглянул в темное отверстие норы, да так и отшатнулся назад. Там, в гнезде, среди только что вылупившихся из яиц утят, покрытых пухом, лежал совсем маленький светло-желтый щенок. Пастух осторожно вынул из гнезда утку собаку, завернул ее в платок и, наскоро оседлав лошадь, поскакал со своей чудесной находкой к родному аулу. Семья пастуха окружила щенка заботой и любовью. В неге и холе быстро росла собака и вскоре из неуклюжего, толстого щенка превратилась в прекрасную быстроногую тазы.

И вот с этого времени в юрту пастуха рекой потекло счастье. Чтобы он ни делал, за что бы ни брался, всюду его ждала удача. В свободное время пастух все чаще выезжал на охоту в степь и там наслаждался быстротой и неутомимостью своей помощницы. Быстрее ветра носилась собака по степным просторам, и от нее не могли уйти ни быстроногая антилопа-джейран, ни песчаный заяц, ни хитрая лисица. Даже дрофа-красотка, обладающая быстрыми ногами и крыльями, не успевала подняться в воздух, а попадала в пасть гончей собаки. Из лисьих шкур жена пастуха шила шапки, обменивала их на баранов и красивую одежду, а мясо пойманных антилоп и зайцев обменивала у соседей на молоко, сыр и масло. И стало им жить сытно и весело, с каждым днем все лучше и лучше, а с благополучием появилось много друзей.

В праздники к пастуху нередко съезжались гости, чтобы потешить себя веселой охотой, показать другим свою удаль и умение справляться с полудикой лошадей. Одни из них привозили лучших борзых собак, другие — крупных орлов-беркутов, полосатых ястребов. Своих ловчих птиц они натравливали на степную дичь. И тогда над сте-

пью разносилось гиканье лихих наездников, столбом поднималась пыль из-под копыт степных скакунов, порой слышался предсмертный крик затравленного зверя. Но наш пастух, обладатель великолепной борзой собаки, не участвовал в этих веселых забавах. Он лишь выполнял роль гостеприимного хозяина-хлебосола и веселого собеседника, но ни разу не похвастался своей собакой, ее быстрым бегом и ловкостью на охоте. Он был глубоко уверен, что бахвальство и излишняя гордость не приносят счастья.

И так шли годы. Пастух продолжал жить в довольстве и благополучии, которое длилось бы до конца его дней. Но не выдержал он и однажды, в охотничий праздник, вывел свою красавицу собаку и принял участие в веселой забаве. Быстрее ветра носилась его тазы по степным просторам за зверем, далеко позади оставляя лучших собак знаменитых охотников. Все восхищались ею, предлагали за нее небывалые цены, завидовали ее обладателю. Гордостью наполнилось сердце пастуха, а голова закружилась от счастья. Но это продолжалось недолго.

Кончился день, прошла ночь, а новый день принес семье пастуха несчастье: заболела собака. Она отказалась от пищи и неподвижно лежала на кошме в юрте хозяина. Прошло несколько дней, и гончая похудела настолько, что от нее остались одни кости да кожа. В одну темную осеннюю ночь, когда над степью свистел и завывал ветер, она с трудом поднялась с кошмы, лизнула языком лицо своего хозяина и вышла наружу. С того момента она исчезла.

Пришла суровая, снежная зима и принесла новые беды. Много домашних животных погибло от зимней бескормицы — джута. Совсем разорился и наш пастух, вновь став таким же бедным, как в далекие годы. Но тогда он был еще молод и мог надеяться на лучшее, а сейчас все для него осталось в прошлом...

Красную утку степняки не трогали, связывая с ней свои мечты о счастье. Однако за последние годы кое-где численность этих «священных» птиц заметно сократилась. Виноваты в этом люди — любители пострелять по живой мишени. И поэтому очень бы хотелось, чтобы каждый бережно относился ко всему живому, в частности к этой птице.

На голых глинах, на желтых песках каждую весну прорастают, распускаются, зреют и на корню засыхают оригинальные растения пустыни и полупустыни — еремостахисы. Первое тепло: из земли выходят ростки и несколько дней стоят зелеными свечами над еще голой землей. По ночам холодно, а в полдень припекает. Другому зеленому отпрыску не выжить бы, а еремостахис живет. Стебель и листья у него по-

крыты светло-серым шерстистым «мехом», одновременно согревающим и спасающим его от перегрева. Сколько живет, столько и спорит оно, это небольшое, непохожее ни на какие другие растения, с суровой пустынной природой. Как бы там ни было, но к тому времени, когда солнце предельно высушит землю, еремостахисы вызревают и разбрасывают семена, чтобы повторить себя...

Сколько раз, встретив это растение, я невольно останавливался, залюбовавшись им: кругом мертвенные пески, а они зеленые и восторженные, как восклицательные знаки, торчат из земли на вершок, не больше. Мал он, да взять его не просто — на листках колючки-шипы, бутоны и те когтистые и цепкие, похоже, всему белому свету не доверяют, вооружились против всех: против солнца, против холода, зноя. И человеку в руки сразу не взять и скотине не съесть. Так и растут, пока однажды все-таки, доверившись теплу и свету, откроют зеленые чашечки прицветников, похожих на звезду, а в них играет пламя цветка. От земли до макушки еремостахис покрывается нежными цветками, в которых, как в глазах, отражается пожелтевший мир родной ему опаленной солнцем пустыни.

Как и у многих других раннецветущих растений, век у него короткий: недолго пламенеют его нежные цветы. Солнце и ветер сушат, бьют и обесцвечивают их. Остается пустая зеленая чашечка вместо цветка. Чашечки еще долго зеленеют, как цветы. Поэтому многие думают, что у еремостахиса цветы зеленые, и удивляются

этой редкости, пока не побывают в пустыне ранней весной.

В летний зной еремостахис постепенно сохнет, светлеет и бледно-желтым карликом стоит до глубокой осени. Как бумажные, шуршат на ветру его чашечки-граммофоны. И не верится, что в них когда-то была жизнь и тем более нежные и яркие цветы.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПТИЦА

Каждый раз, когда я вспоминаю наши южные пустыни с их солнцем, чахлой растительностью, миражами, перед глазами непременно встают стремительно летящие стайки садж.

Саджа — удивительная птица. И не только тем, что она прекрасно приспособилась к жизни в безводной пустыне и, следуя на водопой, пересекает подчас большие расстояния. Саджа оригинальна и внешне. Она будто бы вобрала в себя черты многих птиц и даже зверьков: у нее голубиная голова, клюв по форме — куриный, большие и сильные мышцы груди, как у сокола, острые крылья, хвост, украшенный двумя длинными и тонкими косицами, как у ласточки. Окраска перьев пестрая, в основном темного и рыжеватых тонов. Своеобразный струйчатый рисунок верхней части тела делает ее похожей на серую куропатку. А вот лапы — таких нет ни у одной птицы: три сросшихся пальца вдобавок покрыты рассученными перышками, похожими на шерсть, отчего они больше напоминают лапки зверька, вдобавок с торчащими короткими коготками. Снизу лапки саджи покрыты слоем толстой кожи, словно подшиты кирзой — это для того, чтобы не обжигаться о раскаленный песок! Нельзя сказать, чтобы ступни их походили на копытца, однако за свою оригинальность их сравнивают именно с ними, поэтому саджу иногда и называют копыткой.

Глинистая полупустыня Зайсанской котловины... Бисер кремевых камешков кварца, которыми в северной части буквально усыпана земля, тускло отсвечивает низкое ут-

реннее или вечернее солнце. Приземистые кустики солянок и полынок покрывают растрескавшуюся глину. Рыжая даль, горячее солнце, глубокие трещины и дрожащий, словно расплавленный воздух... Здесь по-особому, отупляюще действует полуденное солнце, отчего кажется, что жизнь вокруг совершенно вымерла, но неожиданно тишину нарушает едва уловимый звук... Проходят секунды, и над головой стремительно проносится пара рыжеватых, беспрерывно переговаривающихся приятными грудными голосами птиц. Еще несколько секунд, и они исчезают, растаяв в мираже, и лишь еще некоторое время слышатся их веселые, журчащие голоса. И снова слепящее безмолвие. Позади остаются десятки, сотни метров, и снова вдали зарождаются голоса и появляются стайки спешащих на водопой садж. Летят они быстро и ровно. Двадцать-тридцать километров до воды — для них — пустыни. Известно, что гнездятся они далеко от водоемов.

Саджа — блестящий пример птицы, научившейся жить в тяжелых условиях пустыни. Ее рыжеватый, с тонкой штриховкой из поперечных полос наряд сливается с общим фоном глинистой земли, изрезанной темными трещинами.

Саджа кладет яйца на голую землю, и лежат они, как камешки-невидимки. Но более всего удивляет окраска новорожденных. Мне вспоминается встреча с выводком пуховичков саджи, которые вылупились всего несколько часов назад. Прижавшись к земле и прикрыв глаза, они не проявляли никаких признаков жизни. Рисунок рыжеватого пуха до того искусно маскировал птенцов, что, фотографируя их, я несколько раз терял из виду птенцов. На поиск уходили минуты. Я даже думал, может, они удрали куда, пока я возился с аппаратом? И каждый раз я находил их на прежнем месте, в той же позе. Когда мы наткнулись на небольшое гнездовое поселение и начали искать гнезда саджи, то старались не наступить на яйца, потому что заметить их было невероятно трудно, почти невозможно.

В прошлом огромные стаи саджи пересекали пустынные просторы Казахстана, во время осенних и весенних кочевков. Но неумеренный отстрел птиц привел к тому, что во многих местах саджи стало заметно меньше и в конечном итоге численность ее кое-где резко снизилась. Отмечено это и в районах, прилегающих к озеру Зайсан. Но

за последние годы саджа сумела восстановить свою численность.

Так, в августе 1976 года наш автомобиль пересекал с севера на юг северную часть Зайсанской котловины. Ехали без дороги. Стайки — по четыре, шесть или по восемь птиц — время от времени взлетали перед самой машиной и, отлетев на небольшое расстояние, садились и сразу пропадали. Вместе с ними нередко поднимались и чернобрюхие рябки. Не доезжая до озера несколько километров, мы остановились обсудить дальнейший путь, но как только вылезли из машины, в небо сразу же поднялось несколько стаяк. Обеспокоенные саджи взлетали одна за другой вокруг нас. Шум их крыльев наполнил округу. Сотня, другая, третья! Казалось, сама равнина внезапно обрела крылья и поднялась в воздух. Котловина буквально взорвалась шелестом птичьих крыльев, встревоженными голосами. Это было редчайшее зрелище — тысячи взлетевших птиц закрыли горизонт на несколько километров справа и слева. Потом, как-то мгновенно, наступило затишье, небо и степь опустели — птицы разом, как по команде, опустились и исчезли. Но тут же грандиозный взлет опять повторился, птицы вновь закрыли горизонт и лавина стала распадаться на стаи, которые устремились в разные стороны. Основная же масса еще долгое время носилась над равниной, меняя направление, припадая к земле, скрываясь из виду...

Мы были потрясены увиденным. Ощущение было такое, словно нам, натуралистам двадцатого века, удалось взглянуть в прошлое котловины, примерно в XVIII век, когда жизнь здесь буквально кипела. Несомненно, что такая численность саджи — результат усиленных мер по охране природы. Словно подтверждая эту мысль, через несколько минут к нам подъехали работники госохотинспекции. Один из них вышел из машины, поинтересовался, зачем и куда мы едем, убедительно попросил соблюдать надлежащий порядок.

Получив назидательный совет, мы продолжили свой путь с твердой убежденностью, что о зверях и птицах здесь есть кому заботиться. И опять перед глазами развернулась ровная, широкая и бескрайняя, как море, полупустыня Призайсанья, в которой живет замечательная птица саджа.

Темно-синей, почти фиолетовой глыбой, возникла вершина горы Карабирюк, и больше глазу не за что зацепиться, и мы шурим глаза, вглядываясь в однообразную даль. И вдруг показалась длинная полоса разреженных саксаульных зарослей.

Подъезжаем и входим в саксауловый лес, если его так можно назвать. Этот лес по-своему оригинален. Заросли образованы белым саксаулом или пескодревом, который одиночными, развалистыми кустами разбрелся несоборным стадом в полынной сухой полупустыне. Светлый, словно выжженный солнцем, искривленный ствол саксаула невысокий и при желании можно дотянуться до макушки. Ветви его покрыты зелеными игольчатыми стеблями, ломкими и солоноватыми. Среди них прячутся светло-желтые и коричневатые соцветия. Цветы без запаха. Семена сначала зеленые, потом, по мере созревания, темнеют и также имеют солоноватый вкус — вкус земли Призайсанья.

В таком лесу не спрячешься, не скроешься от солнца. Здесь не шумят ручьи, не шепчутся листья, не пахнет мохом и грибами. Только сухое небо, слепящее солнце, бросающее чахлую сетку тени под жидкие кроны саксаульника. Ломаются в крошки, пылят под ногами прошлогодние стебли травы. Где-то в вышине звенят жаворонки. Выскакивают из подземных убежищ в этом солнечном лесу степные желтые пеструшки, похожие на хомячков. Глиняными колышками торчат они у своих нор, готовые нырнуть в них при первом шорохе. Убедившись в безопасности, начинают кормиться или перебегать от норы к норе.

Объявился ветерок, и запахло распаренной полынью. Станный лес: смотришь издали — вроде бы лесок, а зайдешь в него, и заросли пропадают, редеют, теряются, и видишь только отдельные кустики.

Каждый раз, бывая в Зайсанской котловине, мы останавливаемся у этих саксаульников, но, побродив в них час-другой, устаем и с сожалением уезжаем. Так было и на этот раз — до встречи, солнечный Зайсанский лес!

Мираж, подгоняемый нагретым, струящимся воздухом, подобно прозрачному белесому морю, набегают на черно-фиолетовый остров, но грозная, как вулкан, вершина Карабирия разбивает волны текущих миражей и черным айсбергом всплывает, сохраняя незыблемость и спокойствие. Крепко-накрепко го-

ра вросла в этот знойный мир равнины, и ее черный горб маячит на желтом просторе Зайсанской котловины. Породы, из которых состоит гора Карабирия, самые древние — палеозойские, и все, что окружает их, в сравнении с ними молодо и зелено. Карабирия обладает магической силой притягивать взор всякого, кто приезжает сюда. Путник, увидевший эту гору, мгновенно загораются желанием пройти ее каменистыми сухими ущельями, подняться на вершину и с высоты посмотреть вокруг.

В 1840—1841 годах эти места посетили замечательные натуралисты-путешественники от Московского Общества испытателей природы — Г. С. Карелин и его талантливый ученик И. П. Кирилов. Здесь, в северном Призайсанье, Г. С. Карелин видел джигитаев, или как мы теперь их называем — куланов, стада сайгаков, джейранов и ставших сейчас очень редкими и сохранившихся только в Монголии диких лошадей Пржевальского. Также в 1876 году во время своей поездки в Западную Сибирь, которая состоялась благодаря финансовой поддержке известного в то время сибирского мецената А. М. Сибирякова, знаменитый немецкий путешественник Альфред Брэм и доктор Отто Финш встречали здесь же диких двугорбых верблюдов, о которых московский профессор В. Г. Гептнер писал, что самые последние дикие верблюды в нашей стране встречались в Казахстане именно тут, в Зайсанской котловине. Но не стало этих животных здесь, и исчезли они только по вине человека. Вот как об этом в начале нашего века писал В. А. Халлов: «Так исчезли с горизонта котловины дикие верблюды, не видно диких лошадей и куланов, редко-редко заходят сюда тигры и барсы, уединились сайга, газель и саксаульная сойка. В 1873 году здесь видели последних

куланов, гораздо раньше исчезли верблюды и дикие лошади, в 1894 году был здесь последний тигр. Сайга, прежде бродившая по всей котловине тысячными табунами, теперь уже оттеснена отовсюду... редуют... насаждения, распугивается и разгоняется дичь, сжигаются камыши, прокладываются дороги...»

Раньше я слышал, что на этой одинокой горе живут сурки. Однако на мои расспросы местные жители говорили, что были здесь сурки, но их истребили. Как правило, рассказы старожилов интересно слушать, но верить им можно не всегда, и натуралистам это хорошо известно. И вот однажды в 1978 году, оказавшись на этой горе, я сделал для себя интересное открытие — здесь я встретил сурков. Одиночные зверьки, возмущенные моим вторжением, громко пересвистывались. Словно старых знакомых приветствовал я этих очень осторожных толстобочких зверьков, восседающих столбиками на темных гребнях скал. Из птиц на скалах этого высокого острова я нашел гнездящихся соколов-балобанов, одиночные пары пестрых каменных дроздов, монгольских снегирей, рогатых жаворонков, желчных овсянок, каменок-пешанок и розовых скворцов. А как бы хотелось, чтобы исчезнувшие в прошлом веке животные вновь украшали эти безотрадные, опустевшие просторы.

ВО ВЛАСТИ МИРАЖЕЙ

Несколько часов подряд «Победа» мчится по ровной и серой земле. Под колесами похрустывают кусты травы и, как электрические лампочки, лопаются полные стебли прошлогодних ферул.

Приятель мой Саша Лухтанов прекрасно знает местность и уверенно гонит автомашину по бездорожью. Едем специально в стороне от дороги, чтобы встретить что-либо интересное, какую-либо живность или растение, за которыми мы охотимся с современным оружием натуралиста — с фотоаппаратами.

Я смотрю на бегущую по сторонам равнину, но вдруг машина резко останавливается, мотор глохнет. Товарищ тычет пальцем в боковое стекло. В текущем воздухе замечаю две тонкие палки, над которыми трепещет светлое облачко марева. Но вот чудо! Палки пошли... Что за наваждение? Цапля?! Но откуда она здесь?! Облачко, на глазах растекаясь, вытягивается в светлую полосу и над ним появляется длинная шея. Странное видение, уж не шутки ли это миража? Еще миг и перед нами, метрах в пятидесяти, крупная птица. Мы узнаем журавля, а по длинным ковыльным пучкам перьев по бокам головы определяем — это красивейшая птица степей Казахстана — журавль-красавка. Спина и хвост его сизые, под цвет дымки опаленной пустыни. С боков туловище оттеняет темная канва маховых перьев, и острыми клиновидными косицами с крыльев свисают перья сизые. В целом одеяние журавля великолепно: на стальном оперении груди — черный галстук. А белые пучки перьев по бокам седой головы придают ему профессорскую импозантность. Движения грациозны, не суетливы. Журавль сделал несколько шагов, замер, как нарисованный, и стал пристально смотреть в нашу сторону круглым рубиновым глазом. Мы не выходили из машины, чтобы не испугать его. Птицы машине доверяют, человеку — нет.

Мы готовили оптику и любовались журавлем. Он, по-видимому, заметил нашу возню, сделал несколько торопливых шагов, разбежался, поднялся на широких крыльях и, вытянув длинную шею, растворился в мареве.

Саша направил машину в сторону, где только что находился журавль. Едем медленно, впиваясь глазами в каждое пятнышко, — может, где гнездо, — но ничего не видим. И вот неожиданность! Словно журавль и не улетал, а только что бросился убежать от нас! И опять чудеса: у птицы замелькало несколько ног. Скажи кому-нибудь, что у журавля шесть ног — засмеют. А он по-прежнему бежит, спотыкается, тянет к земле шею, трясет крыльями, и, чтобы не потерять его из виду, мы медленно следуем за ним на машине. Птица еще сильнее опускает грудь, отчего кажется, вот-вот упадет, хотя она и на шести ногах. Еще миг, мы даже не успеваем заметить, как это случилось, и ног остается, как и положено,

только две. И тогда журавль распрямляется во весь рост, разбегается и легко летит над равниной. Вскоре около него появляется еще один. Пролетев почтительное расстояние, они плавно опускаются на землю. Только теперь нам стало понятно, что встретившаяся нам вторая птица была журавлиха. А ее «лишние» ноги — ноги птенцов. И понятно, что перед тем, как взлететь, она бежала до тех пор, пока не уложила свое потомство на землю. Вокруг равнина, все видно далеко. И нам ничего не остается, как подойти к затаившимся журавлятам. Мы, абсолютно уверенные в том, что сейчас же увидим их, выходим из машины. Не спеша оглядываем землю, проходим туда-сюда... Потом расходимся, кружим, а птенцы как сквозь землю провалились. Отходим назад к машине, проверяя направление, и буквально прочесываем местность. Исходили все вдоль и поперек, а птенцов нет. Но вот видим, журавли, стоящие вдали, поднялись и, облетев нас стороной, опять сели.

— Есть один, — кричит Саша и нацеливает «телевик». На горячей прокаленной глине, припав к ней брюшком и вытянув вбок шею, лежит рыже-серый пуховый журавленок. Нескладный, туловище и ноги узловатые и это придает ему некоторое сходство с маленьким верблюжонком. Фотографируем, подходим вплотную, но по-прежнему птенец не проявляет ни страха, ни признаков жизни — лежит, прикипев к земле, сковно впал в глубокое оцепенение. И совершенно никакой реакции на наши прикосновения — вот это выдержка! Метрах в двадцати мы обнаружили второго... Осторожно отрываем их от земли и восхищаемся прекрасными уродцами. Усаживаю птенцов на колени. Они верещат, пытаются вырваться и удрать. Однако поняв, что их не отпустят, неожиданно меняют робость на злобу. Даже не верится, что столь хрупкие с виду, нескладные, одетые в плюшевое одеяние птенцы способны проявлять такую отвагу и агрессивность. Одновременно впились в мою бороду и стали тянуть ее что есть силы в разные стороны.

— Ай да журавлята, ну и молодцы! — приговаривает Саша и, заходя с разных сторон, щелкает фотоаппаратом. На все любезности с моей стороны они отвечали одним желанием — ущипнуть за нос или за щеку. Но более всего им «нравилась» борода, она и была основной мишенью их гнева. Они теребили ее, пока не выбились из сил. Тогда я поставил птенцов на еще не окрепшие

ножки, и, падая, спотыкаясь, как на ходулях, они припустили в ту сторону, где находились родители. Время от времени журавлята останавливались, чтобы перевести дух и, как два игрушечных страусенка, оглядывались и тихо пищали, вытянув шею.

Взрослые, казалось, невозмутимо созерцали эту картину, будто они были уверены в том, что люди ничего плохого их птенцам не сделают. Но вот видим, обе птицы поднялись в воздух и, набирая скорость, полетели в нашу сторону. Что же это значит? Неужели на выручку? И вот замечаем, что в нашу сторону летит канюк-курганик. Журавли тут же настигли его и с громким курлыканием напали на хищника. Тот, изменив направление, в замешательстве спешно отступил. Журавли сели в сотне метров от журавлят. Мы отъезжаем и вскоре убеждаемся, что родители и малыши вместе. Вся семейка, как по стойке смирно, застыла на равнине в ожидании, когда мы уберемся... И снова перед глазами опаленная земля и миражи, поглотившие журавлей.

У ОЗЕРА ЗВЕНЯЩИХ КОЛОКОЛОВ

Во времена первой русской экспедиции к Зайсану, в 1717 году возглавляемой воеводой Иваном Калмаковым, озеро называлось Кызыл-Пу. Позднее его именовали — Корцан. У местного населения, как писал А. Н. Седельников, называлось оно просто морем Тениз, и еще было название Улькун-су Алдыяр — в честь хана, жившего здесь еще до первых русских землепроходцев. За особый шум прибойных волн называли его Хунь-Хоту-Нор и Хошту-Нор, что и означало «озеро колоколов». И, наконец, в 1650 году, по описанию историка Сибири Миллера — измученные голодом племена калмыков, пришедшие к его берегам, спасались от голодной смерти только рыбой, за что они и назвали его «Зайсанг», что означает — Благородный, или Покровитель. На картах писалось — Зайсан-Нор и даже Кокоту-Нор. Но из

всех этих многочисленных названий закрепилось за ним одно — Зайсан-Нор, или просто Зайсан. Такова история «имени» озера.

Если заходит разговор о Зайсане, я представляю его таким, каким увидел озеро впервые. Широкой свинцовой полосой оно блестит среди плоских пустынных берегов. Вдали виднеется низкая цепь хребта Монрак.

Чем ближе подъезжаешь к озеру, тем яснее размеренный шум напевных вод, тем отчетливее видны взрывающиеся пеной гребни волн.

После сооружения Бухтарминской ГЭС древний рисунок линии его берегов изменился: где были непроходимые заросли тростников, теперь перекатываются волны и с шипением расплескиваются по отмелям, по намытой, как цветной бисер, гальке. Здесь же лежат вымытые, сладковатые на вкус корни тростников. Местами затопленные заросли образовали плавучие зеленые острова. В прибрежных заливчиках, заросших травой, держатся мелкие кулички, чибисы, травники, красавцы-ходулочники и шилоклювки. Чибисы, увидев человека, взлетают, гнусаво вопрошая: «чи-вы? чи-вы?» Подальше от берега держатся утки.

С озера дует теплый ветер, пахнет водой и рыбой. Вокруг с тревожными криками вьются обеспокоенные крачки, пролетают вереницы обыкновенных, серебристых чаек, реже хохотуны-мартыны. Обыкновенные чайки нередко залетают в селения и промышляют пищевыми отходами среди рыбацких избышек. Но больше всего здесь крачек речных, черных и светлокрылых. Случается наблюдать, как полчища этих рыбадных птиц вдруг начинают кружиться и собираться над каким-нибудь одним местом. Начинается рыбалка: камнем бросаются чайки одна за другой в воду и с бьющимися рыбешками взмывают вверх. Птиц много, только и видишь, как бомбят и торпедируют они воду, взлетают с добычей и тут же обрастают дерзкими перехватчиками. Насытившись, птицы собираются на далеко вдающейся в воду косе или на островке. И тогда они становятся белыми. Чайки и крачки чистят перья, некоторые ссорятся, отдыхают или проявляют нежность друг к другу. Но стоит лишь немного приблизиться к островку, как он взрывается и разлетается белыми осколками, и тогда снежной каруселью над зыбкими волнами и над головой человека повисают крикливые и докучливые птицы, и округа наполняется оглушительны-

ми криками. Врасплох захваченные на заливчике утинные малыши-хлопотунцы бьют короткими крыльями, удирая в заросли. Высвистывая крыльями, с кряканьем кружат обеспокоенные утки. Из тростников на неспокойную воду выплывают лебеди. Они осторожны, полны внимания. Но вот разбегаются и низко, едва не касаясь волн, улетают подальше от берега.

По сырому песку, у кромки воды, тянется разлапистый след барсука. Тут же аккуратно наследила лиса. У воды есть чем поживиться — волны выносят снующую рыбу — лещей, судаков, окуней и плотву. Где посуше, темнеют норы степных пеструшек, поселяющихся колониями.

Время на берегах Зайсана проходит незаметно: неожиданные встречи, интересные наблюдения. От огнистого светила, через озеро к берегу, течет медная дорожка. Птичий гвалт постепенно смолкает, и все зануднее у самого уха позванивают комары. Над зарослями растут и перемещаются столбы комаров-толкунов.

Тихо и покорно солнце погружается в воду и, опалив низкие светлые облака алым огнем, тонет. Росинками в сухом небе зажигаются первые звезды. Стихает ветер, но еще долго из последних сил плещутся усталые волны и, наконец, чуткая тишина повисает над озером, над тростниками, над необозримой равниной.

Мне никогда не забыть тех необычных и редких минут, которые посчастливилось пережить однажды у Зайсана в рассветный час. В то лето вдвоем с фотографом-анималистом Сашей Лухтановым мы путешествовали на «Победе» по Зайсанским просторам. Поездка была прекрасной: мы могли остановиться, где нам вздумается, наблюдать жизнь животных, фотографировать. А что может быть лучше такой вольной поездки для натуралиста?

И вот в один из вечеров мы разбили бивак у Бакланьего мыса. Палатку поставили на берегу. Отужинав, забрались в спальные мешки. С севера тянул легкий ветерок, он освежал нас, заодно отгонял докучливых комаров. Сказалась усталость, накопившаяся за день, и нас незаметно сморил сон. Но поспать не пришлось. Перед рассветом налетела страшная буря. Наша палатка чуть было не упорхнула в темноту. Вцепившись в жилище, мы изо всех сил удерживали его, как бьющийся на ветру парус. Удержали. И в считанные секунды весь дорож-

ный скарб покидали в машину. С ревом и шумом взбесившийся Зайсан выбрасывал волны на пустынный берег. На небе ни звездочки — все закрыто низкими тучами. Ветер поработал часа полтора, и небо очистилось. Мутная, в бельмах облаков луна освещала разбуженное озеро.

Саша выбрался из машины, расстелил брезент, залез в спальник и под открытым небом заснул. Мне не спалось. Я остался в машине. Наступил рассвет. Озеро посерело, волны стаями все бежали и бежали к нашему берегу. И вдруг — что это?! Это был отдаленный, неясный напевный перезвон далеких колоколов. Не может быть!

— Саша, послушай! Звонят колокола Зайсана!

Саша сел, покрутил по сторонам головой и саркастически улыбнулся.

— Никакого звона, тебе просто показалось, — и лег на другой бок. Он явно скептически отнесся к моему открытию. А я жадно вслушивался в размеренный шум воды, идущей по ветру откуда-то из глубин озера. Колокола гудели! Казалось, только сейчас и только мне пел свою старинную песню древний Зайсан. В эти недолгие минуты мне так хотелось кому-нибудь сказать: «Вы слышите, наконец-то нам посчастливилось услышать голос озера звенящих колоколов! Ожила легенда!» Я чувствовал себя причастным к этой тайне озера. Подумалось, что может очень давно кто-то, услышав подобный таинственный гул на этих пустынных берегах, назвал озеро Хунь-Хоту-Нор и Хошту-Нор. А позже родилась красивая, но грозная легенда русских первопроходцев, которые сказывали, что по ночам будто бы слышно, как из под воды колокола гудят. А если поплывешь на звон, не вернешься. Там и найдешь свою погибель...

Слушая таинственный, вечный зов озера, мне очень захотелось рассказать о нем, хотя я и предвидел возражения скептиков, которые скажут, что все это досужий вымысел и не больше, что, мол, желаемое выдается за действительное, какие еще там звенящие колокола!

Много раз я ночевал на берегах Зайсана, и в штиль, и в дождь, и в ветреную погоду, но звона его больше не слышал. Это маленькая тайна, которую веками прячет Зайсан в своих глубинах и лишь изредка ласкает слух и будоражит мысль и чувства людей. Мне повезло, я слышал чудный звон Зайсана!

После того, как построили Бухтарминскую плотину и подняли уровень воды в Бухтарминском водохранилище, более чем на пять метров поднялась вода и в Зайсане, сильно изменив береговую линию озера. Сотнями лет здесь по берегам формировались непролазные тростниковые крепи, под ними накопился мощный торфяной слой. И все это оказалось затопленным. Но, сохранив плавучесть, торфяные пласты поднялись с глубины и, гонимые волной, начали кочевать по озеру. Год за годом они оседали по мелководьям, и значительная часть их скопилась в приустьевой части реки Кендерлык. Зеленые острова-сплавнины образовали здесь маленькие архипелаги, на которых сейчас гнездится много различных водоплавающих и околоводных птиц — разные утки, пеликаны, бакланы, кулики и другие. Получилось, что на каждом таком острове образовались колонии птиц, которые можно назвать птичьими городами.

Самые представительные, важные и сановитые — пеликаны. С виду грузные, но летают легко, подолгу парят. Да и соседей по месту жительства не боятся. Живут, как им хочется. Словом, аристократы птичьего мира. Ниже их по рангу — темные по окраске рыбаки-профессионалы — большие бакланы. Ярые добытчики рыбы, они всю жизнь только и делают, что промышляют ее все как один. Затем также дружно сушат намокшие крылья и на всю округу «бакланят» картавыми голосами. Бакланы ужас как пропахли рыбой, но очень довольны собой и пользуются уважением среди пеликанов — помогают им рыбалить.

Как правило, всегда в сторонке, стоят на отмелях, как копыеносцы, белые цапли. Облаченные в белоснежное одеяние, они заметны издали и служат подлинным украшением зеленых островов. Держатся особняком, ни с кем компаний не ведут, да и меж собой не в дружбе великой. Ходят осторожно, как бы платье свое не замочить. Уж очень возвысились они на своих длинных ногах, чего им маститые пеликаны и бакланы! И когда ни глянешь

на эти птичьи поселения, стоят поодиночке белые цапли, словно философы, черпающие мудрость бытия в созерцательном одиночестве.

Особое сословие зеленых островов представляют многочисленные чайки. Издали впечатление оставляют хорошее, но если понаблюдать их «дома», где они собираются все вместе, впечатление это пропадает. Они дурно воспитаны — поднимают невообразимый галдеж. Нет, не течет в их жилах голубая кровь. Зато это очень пробивной и предприимчивый народец — они уж не пропустят, где что плохо лежит: то яйцо у соседа стащат, а то и птенца-несмышлениша ухватят. Велика их роль в птичьей колонии — умеют постоять за свой остров и дружно нападают на любого хищника, посягнувшего на гнезда.

Разные утки и гуси — заметные и многочисленные здесь жители. Они всегда заняты поисками корма. С виду крупные, но в спасении колонии от разорителей роли никакой не играют, паникеры и глуповаты. Только бы жировать.

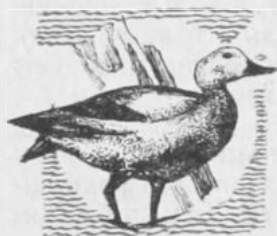
Среди этих крупных птиц очень заметны элегантные бело-черные кулички. Тонкими пронзительными криками оглашают они острова. Суется среди бакланов и пеликанов и всем кланяются. Им, кажется, безразлично, кому отпускать поклоны, лишь бы кланяться, словно о чем-то докладывают, и везде они бывают, и все знают.

Очень загадочная личность проживает здесь — большая выпь. Серая и рыжая. Горбатая и носатая. И боже упаси, в ее обществе днем показаться. Внешность ее зловещая, глаза белесо-желтые и злые. Все знают о том, что она живет где-то здесь рядом, но мало кто видел ее — такая уж нелюдимая. Есть развлечение и радость в ее жизни — пугать по ночам всех обитателей островов. Всю ночь злопыхательски ухаёт, только и слышно: ух, вы такие-сякие! И бродит довольная, что сумела досадить. Безразлично кому, лишь бы досадить. От зари до зари стоит птичий гомон и гвалт на этих островах. Все их обитатели в движении, чего-то хотят, что-то делают, зачем-то улетают и прилетают и оттого вечный шум. Все они разные и похожие, как люди. Каждый уголок такого острова заселен и так или иначе охраняется. Все что-то наговаривают друг на друга, не слушая других, кто-то кого-то ненавидит и любит.

Случается, над их поселением пролетает беркут или

сокол. Врежется в небо над островом, и тогда крик прекращается: кто прячется, кто улетает. Но ненадолго это, и вскоре жизнь зеленого города течет по привычному руслу.

НА МЕДНОЙ КОСЕ

Вечерело. Мы остановились у мыса Коржун и растянули палатку. Мелководные разливы с многочисленными островками, косами уходили далеко в озеро. Огромный огненный шар растопил горизонт. Вода и небо стали медно-красными. Алый огонь поджег легкие облака. Я стоял на берегу в тростниках, любуясь горячими закатными красками. Звонкими мелодичными головами на разливах перекликались кулики, да плотными столбами вились комары-толкуны.

На ближнюю косу спустилась пара уток-огарей. Охваченные огненным заревом, и без того ярко окрашенные в кирпично-красноватые цвета утки казались вылитыми из меди. Вытянув шеи, они некоторое время напряженно вслушивались и вглядывались в округу.

Самец — у него на светло-палевой шее красовалось темное кольцо-ожерелье — долго не менял позы. Вытянувшись во весь рост, он присматривался к охваченному закатным пожаром миру. Самка же шлепала по тине, что-то хватая на ходу. Огнистые кольца воды разбегались от нее, горячими зернами падали с кончика ее клюва капли. Она на секунду останавливалась около селезня и опять принималась бегать вокруг. Было похоже, что самка нахально громко, чтобы все слышали, отчитывала суженого за какие-то проступки. И вот он издал громкое — кррр! Это, пожалуй, означало — тише! Хватит! Все слышат! Будто бы не ожидая такой дерзости с его стороны, она пригнула к земле голову, сгорбилась и прогнула: а? а? хватит? А самец опять стоял по стойке смирно, как и вправду провинившийся. Суматошная супруга вновь загорланила: а-та-та! хам! хам! И выражая негодование, продолжала бегать вокруг.

Вот горе, думаю, иметь такую супругу. Прекрасный вечер, а она вместо того, чтобы любоваться, счеты сводит. Как он бедняга выдерживает этот базарный крик! Таким несчастным мне показался этот селезень-горемыка... Он поднял, как руки, оба крыла, словно молил ее замолчать, но нет, видно не в характере прекрасной половины сменять гнев на милость. Крикливая дама не унималась и принялась щипать его за шею. Мало удовольствия наблюдать семейные распри, и я решил удалиться, шурша тростником, выбрался из зарослей. Шум насторожил птиц. И на солнечном диске, наполовину затонувшем в озере, четко проступили силуэты уток...

У палатки разгорался костер. Еще долго кричала на косе знакомая мне, суматошная медно-красная утка. Наверное, за ее надоедливое ататаканье и называли их атайками. До самой глубокой ночи они, не переставая, громко кричали. А утром вместе летали вокруг нашего лагеря. Садились на луговины. И селезень-огарь неотступно следовал за своей прекрасной половиной. И кричал: анг-анг!

НЕУТРАЧЕННОЕ ЧУВСТВО

Мутные волны взбешенного ветром Зайсана лениво выплескивались на песчаную косу. Как патрули, вдоль берега летали разные чайки. Картавые их голоса наводили тоску.

Я брел мелководьем вдоль косы. Вскоре внимание мое на этом голом берегу привлек громкий крик небольшого куличка — малого зуйка.

В стремительных перебежках он, подобно серо-белому шарик, катился вдоль берега. Внезапно останавливался и, отпустив несколько поклонов, замирал и тут же срывался и катился дальше, пока не пропал из виду среди светлых песков. Теперь он выдавал себя только тем, что периодически кивал головой и покачивал хвостом. Вскоре появился второй кулик. Самка, решил я. По-видимому, где-то сидела на яйцах.

Я отошел подальше и решил понаблюдать. Птицы вскоре успокоились, и вот одна из них медленно опусти-

лась на песок. Ага, похоже, гнездо! Звук стремительно умчался, и громкий прерывистый крик раздался на пустынной косе. Белые грудки зуйков торорошо были заметны на мокром песке.

Знаю, что гнездо куликов отыскать нелегко, хотя яйца у них, как правило, лежат открыто в ямке среди камней или прямо на песке. Но странно, поиск гнезда оказался тщетным, взяла досада. Вот здесь сидел, а гнезда нет. Осматриваю еще раз все ямки — ничего. Тогда я повторил свою маленькую хитрость: отошел на прежнее расстояние, чтобы дать куличкам успокоиться, и стал ждать, пока кто-нибудь из них опять сядет на гнездо. Так оно и вышло. Но странно, гнездо теперь находилось на другом месте. Еще внимательнее запоминаю новое место и медленно подхожу. Куличок издает негодующий крик и бежит прочь. Насиживающая птица тотчас оставляет гнездо и бежит вслед за первой. Подхожу, опять гнезда нет. Что за наваждение?! Вот тут сидела, а гнезда нет. Присматриваюсь, на песке видны крестики следов. Берег голый, если не считать, что там и сям лежат частично заиленные створки раковин беззубки. Досадуя на неудачу, в третий раз даю возможность сесть на гнездо зуйку и только теперь окончательно убеждаюсь, что гнезда-то нет. А куличиха, оказывается, сидела на выступающей спинке заиленной раковины, похожей на яичную скорлупу, вдавленную в грязь.

В специальной литературе о птицах такое поведение куликов, и в частности малого зуйка, называют «демонстрационным» и объясняют это желанием птицы сбить с толку наблюдателя, то есть отвести опасность, и это очень даже недурно получается у такой несмышленной пичуги! Однако, наблюдая, как садилась куличиха на «гнездо», на макушку раковины, похожую на яйцо, мне стало понятно, что это были осиротевшие, разоренные зуйки. И еще не утраченное родительское чувство вынуждало их продолжать прерванное насиживание. Подобные факты мне неоднократно приходилось видеть при содержании экзотических певчих птиц. Так, например, разоренная самка огненного ткачика продолжала сидеть в пустом гнезде, а в тот день, когда должны были появиться птенцы, она с характерным криком слетала, набирала корм и носила его в гнездо, где должны были быть птенчики.

Чтобы лишний раз убедиться в этом, я повторил свой эксперимент и опять стал свидетелем того, как один из куликов остановился у раковины и, убедившись, что никто не мешает, расставил лапки, распушив на брюшке перья, и стал плотно «притираться» к ней, покачиваясь из стороны в сторону. Что-то склевывал на берегу, у кромки воды, и время от времени издавал свой печальный крик другой зук, отчего голый песчаный берег мне показался еще более неудобным и бесплодным.

БАКЛАНЫ

Бесконечной чередой с глухим шумом одна за другой выплескиваются на пустынный берег крутые белогривые волны. Ключья старой желтоватой пены пухлыми кусками лежат

на берегу. Отдыхая после рыбалки, качаются вдали на воде серебристые чайки. С тоскливыми криками вдоль берега легают одиночные мартыны. Но вот появилась шумная ватага речных крачек. Со скрипучими криками они вдруг обнаруживают на мелководье косяк мальков. Раздаются всплески, бурлит вода на мелководье, и крачки, подцепив добычу, легко взлетают. Тут же на удачливых нападают те, кому не досталось рыбы, и начинается погоня. Завладевшая рыбешкой крачка либо спешит тут же проглотить добычу, либо скорее летит прочь, пока не отстанет погоня. Вскоре крачки дружно улетают в поисках другого добычливого места. Наблюдая за ними, забываешь о времени. Неожиданно над озером, чуть ли не касаясь воды крылом, появляется вереница быстро приближающихся черных птиц. Они крупные, шеи их длинные, по-утиному вытянуты. Клювы слегка крючковатые и под ними желтеет кожистое пятно. Бакланы! Эти знаменитые рыболовы, не меняя темпа, все так же деловито пролетают мимо и направляются к песчаной косе, выходящей далеко в озеро. Место это называется Бакланий мыс. Птицы достигают частокола рыбацких шестов, сто-

ящих далеко от берега, дружно плюхаются в воду и тут же расплываются в разные стороны. Некоторое время они крутятся на месте, а потом, как, по команде, скрываются в волнах. Время от времени головы их появляются над водой и опять исчезают.

Идет рыбалка. И вот, вынырнув, они жадно заглатывают трепещущую рыбу, растянув, как резиновые, горловые мешки. В бинокль видно, что попадаются крупные сорожки и лещики.

Добыча проходит в горло с трудом, и еще некоторое время из расщепов хищных клювов торчат вильчатые хвосты бьющихся рыб.

Бакланы кормились недолго. Нагрузив желудки, некоторые взлетают на торчащие из воды шесты и, приняв вертикальное положение, молча сидят с распростертыми крыльями среди беснующихся волн. Силуэты их издали походят на неумело сделанные чучела. Только одному баклану не досталось места. Он, чтобы обсохнуть, вынужден был выплыть на острие косы: вышел на берег как и все, повернулся навстречу ветру, бегущим волнам и раскинул темные паруса блестящих мокрых крыльев, открыв крючковатый клюв.

ЖИВАЯ ЖЕМЧУЖИНА

В мире четвероногих Зайсанской котловины этого зверька можно назвать живой жемчужиной. Его мало кто видел даже из зоологов, так как открыт он был совсем недавно, в 1958 году. Живет он только у берегов озера Зайсан и больше нигде в мире не найден. Я отношусь к тем, что видел лишь места, где он жи-

вет. Это узкая полоса полупустыни, протянувшаяся вдоль южного берега от рыболовецкого поселка Приозерное к Тополеву Мысу, от которого, по-существу, осталось только название — его затопили воды Зайсанского озера. Здесь на сухой серо-желтой глине стоят кусты биюргуна, зайсанского саксаула и куртинки сизоголубых полыней среди редких ковылей. На севере от бе-

рега волнуется поле воды, за которым едва угадываются темные горы Карабирюк и Чакельмес. С юга тянется извилистая линия хребта Монрак, производящего впечатление унылого, сложенного из кусков света и тени. К нему разорванным красновато-белым ожерельем подступают выходы пестроцветных глин. Да кошмяными грибами по равнине стоят серые пастушьи юрты, обтекаемые ручьями белых барашков. Такова родина этого редкого зверька — тушканчика Виноградова, или как его еще называют — тушканчика толстохвостого.

Это средних размеров грызун, с типичной пустынной окраской. Ведет ночной образ жизни, его крупные темные глаза видят во все стороны сразу. Подобное встречается еще у некоторых птиц и зверей, но редко. Хвост у него широкий и длинный, как у кенгуру, да и бегаёт он только на задних ногах — вот миниатюрная копия австралийского знаменитого животного. Тушканчики безобидны — питаются только растительной пищей и во время поиска травы все время прислушиваются, а слух у них великолепный: заденет чуть сухую травинку рыскающий хорь, прошуршит бегущий хомячок — все услышит тушканчик, станет столбиком, уши в работе — кто и куда там крадется? Ну а если шорох подозрительным покажется, то в мгновение ока тушканчик, вихляя из стороны в сторону, скачет к норе. Случается, что бежать поздно, тогда этот зверек идет на маленькую хитрость: припадает брюшком к земле, «расплющивается» на ней и плотно прижимает уши, чтобы не выдали. Так и лежит, пока опасность не минует. Если в это время тронуть его рукой, то он перебегаёт на другое место. Надо полагать, что этот способ остаться незамеченным был проверен жизнью многих поколений и, как эстафетная палочка, передан зверькам, живущим в наше время.

Очень любопытную деталь, проявляющуюся при маскировке нор у этих тушканчиков, описывают алмаатинские зоологи: норки свои тушканчики устраивают, как правило, у основания кустика, чтобы в глаза меньше бросались. Кроме этого делают ее похожей на маленькую ветровую кочку или на муравейник, каких здесь много. Откуда такое знание рисунка земли родной? Поэтому не так-то просто всякому желающему полакомиться безобидным полуночником отыскать его норку.

Всю жизнь эти прыгуны видят мир только в серых красках, с той лишь разницей — при луне или без нее.

Из-за ограниченного распространения этот зверек учеными называется узкоареальным эндемиком и занесен в число животных, которых мы называем редкими и исчезающими. Хотелось бы, чтобы ничто не помешало их существованию, чтобы всегда теплыми летними ночами, как и многие тысячелетия до нас, в этой полупустыне, обнимающей озеро, они бегали при свете луны... Мне кажется, любому человеку всегда будет приятно сознавать, что где-то там, у берегов Зайсана, сохранился и до сих пор живет этот маленький тушканчик — живая жемчужина среди самых редких животных земли.

ЧЕРНЫЙ ИРТЫШ

Позади остался Зайсан. По левую сторону от дороги, вдаль, возвышалась небольшая гряда пустынных гор северного Призайсалья — Жельгора. Машина шла глубокой песчаной колеей, по обе стороны которой росли кривоствольные кустики джужгуна. Проехали пустынный поселок Чингильды, и вскоре во всем своем величии взгляду представилась широкая пойма Черного Иртыша.

Каждый раз, бывая здесь, я пытаюсь разгадать: почему Иртыш называют «Черным»? Среди песчаных и глинистых берегов степенно несет свои воды «Серый» Иртыш. Местами вода настолько прозрачна, что даже на глубине хорошо просматривается дно и снующие над ним мелкие рыбешки. Обрывистые берега то подступают к самой дороге, то уходят, расплываясь в едва возвышающиеся песчаные косы. Над низкими берегами летают светлокрылые одиночные крачки. Пышные рощи старых раскидистых тополей обступили многочисленные старицы и протоки. На старицах повсюду зеленая вода — от плавающих листьев рдестов. У берега листья реликтового растения — чилима, и по грудь в воде тростники, из которых с кряканьем поднимались утки. По берегам, у проток, зелеными стогами стоят одиночные, со сломанными вершинами, вековые ветлы-осокори, по-

крытые причудливой бугристой корой и огромными копытообразными трутовиками. Осокори настолько огромные, что понадобилось бы два-три человека, чтобы обхватить их. В них много дупел, где гнезятся галки, скворцы, удоны, иногда лутки. Обращают внимание висящие, как плоды, гнезда черноголовых ремезов. На отдельных деревьях насчитывалось по три-четыре старых гнезда. Редко встречаются гнезда крупных рыбадных хищников — белохвостых орланов. И сколько я ни приглядывался, Иртыш не показался мне черным...

Прошли годы, но я не нашел ответа: почему Черный? Ничего толком не могли объяснить и встречающиеся нам казахи-чабаны. Как часто в жизни бывает, тайна разгадалась неожиданно. Однажды, находясь на вершине хребта Саура, я рассматривал в бинокль открывшиеся передо мной знойные, завешанные сизым маревом дали. Шла вторая половина лета. Иссушенная земля выгорела. Волны испарений бежали над яркими, как яичный желток, песками Айгыр-Кумы. Тут-то и пришла разгадка: среди мертвых песков река смотрелась иссиня-черной лентой. Спустя еще несколько лет я прочитал у В. А. Хахлова, что из-за того, что издали Иртыш кажется черным, его называли Кара-Ертис — по-русски Черный Иртыш. Как в сказке получается: впадает в озеро Зайсан Черным, а вытекает Белым, или как его здесь называли Ер-Тис, что в переводе с казахского означает зуб великана, или просто Иртыш.

АШУТАС

Мы едем на восток вдоль Черного Иртыша, уже позади остался поселок Буран. Справа у реки сиреневые заросли цветущего чингиля, ивняков, местами среди них выбиваются желто-зеленые пятна тростников. Над всем этим возвышаются старые ветлы и тополя, встречаются и одиночные серебристокронные деревца лоха узколистого. Впереди, чуть слева, виднеется невысокая рыжеватая сопка — Ашутас.

Удивительная это гора, открывшая свету свои глубины, состоящие из пластов, разделенных спекшимися слоями ожелезненных песчаников. Тяжелые ломти их лежат поверх обрывистых склонов и по холмам. Овраги и рытвины, отвесные стены местами покрыты глянцевитой коркой квасцов. Кое-где по обрывам темнеют норы, из которых со свистом и визгом вылетают черные стрижи. Из промоин торчат обрывки корней. Встречаются глинистые пласты, нашпигованные истлевшими прослойками листьев, канувших в лету лесов. Пласты эти легко ломаются и от них исходит удушающий запах серы.

Ашутас — отголосок минувших тысячелетий — памятник бывшим здесь широколиственным лесам, в которых росли бамбук, платан, грецкий орех, лещина, ива и тополя, а также гигантские сосны — секвойи. Найдены и отпечатки листьев гинко, которые попадают чаще всего в спекшихся песчаниках, отложившихся на заре появления первоптиц в юрский период. Разнообразные виды древесной растительности на Ашутас отражают смену климатических условий на этой земле, в давно минувшие доисторические эпохи.

Как и сейчас, над зелеными берегами древних водоемов летали, играя под солнцем слюдяными пестроцветными крыльями, стрекозы. В поисках цветочного нектара порхали бабочки. Без устали точили древесину павших стволов термиты, у берега, на мелководье, жили личинки ручейников.

Обо всем этом нам теперь рассказывают отпечатки листьев, веток и стволов, встречающиеся в большом количестве в светлых углистых глинах, а также отпечатки названных насекомых, в том числе восьми видов стрекоз, найденных здесь учеными-палеонтологами. В некоторых впадинах пласты глин украшают сверкающие на солнце гипсовые друзы, образованные изумительно тонко сшитыми кристаллами и по форме похожие на иглистые прозрачные звезды. Можно их сравнить и с колючими цветками, искрящимися под солнцем. Все это следы прошлого: следы исчезнувших растений и пропавшего озера, некогда колыхавшегося у Ашутас. Но и сейчас еще сохранились реликты третичной флоры — это водные папоротники-сальвиния и марсилия четырехлистная, а также водяной орех или чилим. Раньше его называли рогульником, а плоды его рогульками. Чилим растет в илистых старицах поймы Черного Иртыша.

Вокруг царит неправдоподобная тишина. Немилосердно палит солнце. Изредка покой нарушает чеканье пустынных каменок да визг стрижей. Вот появилась стайка пустынных — монгольских снегирей. Птички присели на край уступа, разглядывая нас, и тут же сорвались и исчезли, мелькнув сиреневыми полосками перьев на крыльях, оставив нас в гнетущей тишине спящих вековым сном полуразвалившихся глин Ашутас.

В ДОЛИНЕ КЕНДЕРЛЫКА

Тесными ущельями хребта Саура пробирается к Зайсанской равнине торопливый Кендерлык. Широкой густо-зеленой лентой тянется его пойма среди холмистых увалов. По берегам краснеют глинистые обрывы, и зелень на их фоне смотрится до некоторой степени экзотически.

Как только проедешь небольшой поселок Пржевальск, то во всем величии открывается долина этой реки. Самого Кендерлыка не видно, только слышно, как шумит вода на перекатах. Лесистая долина напоминает приречные тугаи рек Средней Азии, но вместо распространенного там тугайного тополя — туранги — здесь в долине Кендерлыка шумят на ветру лавролистые тополя, вместо серебристого лоха или джиды — пышные заросли облепихи. А попеременно с ними растут березы, черемуха и боярышник. Как и в южных тугаях, деревья и кустарники перевиты, словно обмотаны проволокой, лианой-ломоносом. На каменной земле растут кусты тамариска. Из кустарников — много разных шиповников, цветущих почти все лето кремовыми и розоватыми цветками. Обычны заросли спиреи, жимолости алтайской и округлого барбариса. Нельзя не восторгаться пышностью и своеобразием зарослей Кендерлыка.

Но подлинное украшение долины — облепиховые заросли. Серебристо-сизыми каскадами ветви их ниспадают к зеленым травам. Искрящаяся листва придает де-

ревьям нежность и свежесть. Тут же тонковолосые и тонкорукые ивы Ледебура, униженные такими же тонкими, как у облепихи, узенькими листочками. Даже при малейшем ветре ивы спокойно поворачиваются на ветру, играя своими серебряными космами.

В полдень воздух влажнеет от испарений, становится душно, одолевает жажда и еще сильнее притягивает шумящий Кендерлык. И сколько ни броди, обязательно выберешься к реке с ее студеной водой. На разнотравных цветущих лугах множество птиц: вот на макушке кустика, раскачиваясь, сидит канареечно-желтая птичка. Окраска ее броская, что свойственно птицам, живущим в тропиках. Это желчная овсянка. Она раскрывает голубовато-серый клюв и словно выговаривает: чуть-чуть, что-нибудь выпью же! Как послушаешь ее, так еще больше пить хочется. По кустам и в траве мельтешат и трещат ершистые серые славки. Вэд-вед, раздувая беловатое горло, бормочет взъерошенный самец. И вот как будто какая-то внутренняя пружина подбрасывает его и он взвивается над зарослями с громкой песней. Самые громкоголосые певцы — южные соловьи. Их сильные раскатистые трели звучными ключами бьют из-под каждого куста. Не будет преувеличением назвать долину Кендерлыка соловьиной. По береговым галечникам и на островках перезваниваются кулички-перевозчики. Изредка низко пролетают с гнусавым говором красные утки-атайки.

Достаточно пройти кустарниками, чтобы убедиться, что в долине есть кабаны, земля во многих местах изрыта. На деревьях висят гнезда-рукавички черноголовых ремезов, из зарослей слышится их тонкий тянущий писк. То и дело над макушками деревьев взлетают обыкновенные горлицы и, достигнув определенной высоты, планируют в зеленые кущи, откуда доносится их непрерывное туруруканье.

День уходит, и одни впечатления сменяются другими. Из-за темного хребта Саура совиным оком выглянула луна. Долина наливается густым лунным светом. Еще громче в наступившем затишье ревет стремительный Кендерлык, еще отчетливее голоса соловьев. Доносится визг вышедших на кормежку кабанов. В спящих зарослях осторожно ступает косуля, в прибрежных тростниках шуршит ласка. Вслушиваясь в звуки ночной

жизни долины, стараюсь представить то, о чем рассказывал в свое время блестящий знаток местной природы В. А. Хахлов: «Кабаны, тигры, косули и дикие кошки в большом количестве находили себе приют в камышах. Один старик рассказывал, как в летнюю зарю, однажды, проезжая близ камышей по реке Кендерлык, он наблюдал временами показывающегося над поверхностью метелок камыша, выскакивающегося тигра, который таким образом осматривал местность из камышовых зарослей». Как видно, за последние сто лет обеднел животный мир этих мест. В целом же облик долины почти не изменился. Жизнь как и прежде торжествует, хотя и не в таком изобилии.

«КОБРА»

Без дороги, по такыру наша машина подъехала к подножью хребта Монрак, протянувшегося по югу Зайсанской котловины. Под колесами шумели и потрескивали пересохшие стебли травы, торчащие из плотных глинистых кочек. Около ковыльной луговины шофер резко затормозил:— Кобра, смотри, коб-

ра!— вдруг закричал он. Среди бегущих под ветром ковылей, изогнув голову, стояла и грозно смотрела в нашу сторону знаменитая змея. Всего метров двадцать разделяло нас, и на этом расстоянии четко были видны темные полосы по бокам ее шеи. А еще пишут, что кобры только на юге Средней Азии встречаются! И вот она мгновенно исчезла. Только по шатанию ковылей было видно, как стремительно она уходит. Метров через тридцать она опять подняла голову и распустила полосатый капюшон. Мы наблюдали за ней, пока она не затаилась.

— Вот это дает, такую не догонишь! А если она догонять будет, не убежишь,—комментировал шофер.

— Ну, пойдем гнездо искать, неспроста же она тут стояла и таилась. И сейчас смотрит, что будем делать. Пойдем, может быть, и птенцы где-нибудь затаились.

— Змееныши, хочешь сказать. Нет уж, иди сам, ты любишь тварей всяких, а меня уволь.

— Неужели ты не понял, кто от нас убежал?

— А чего тут понимать?! Кобра она и есть кобра!

Было понятно, что разговор на этом исчерпан и искать детенышей этой «твари» он не намерен.

Я дошел до того места, где мы впервые увидели ее, и стал внимательно вглядываться в каждую прогалину, под сплетения стеблей, шарил глазами по впадинкам и около кочек. Шофер не выдержал, подошел. Осторожно ступая, он внимательно, чтобы не наступить на гнездо, тоже включился в поиски.

— Нет, не повезло нам с тобой — ни птенцов, ни самого джека, — говорю я ему.

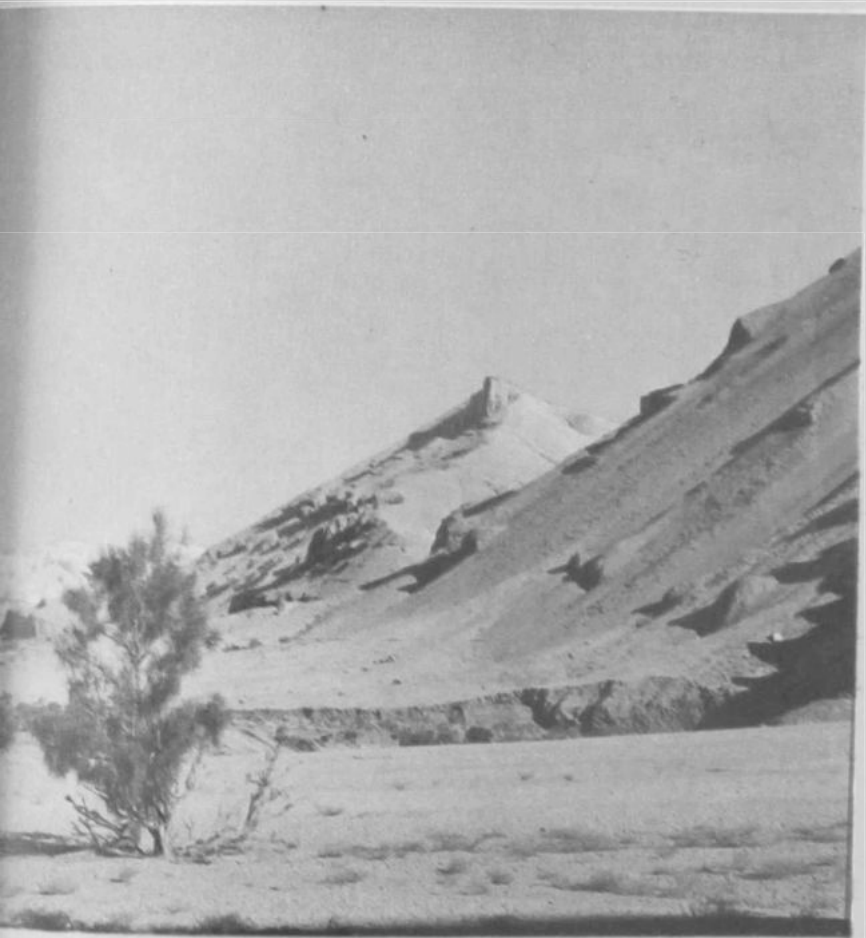
— Какого ты еще джека придумал?

— Разве ты не понял, что перед нами не кобра, а птица стояла? Дрофа! Слышал, бывает дрофа-красотка?

— Дрофу-то знаю, красоток тоже, — он самодовольно ухмыльнулся, — но вот что их джеками называют, не знал. Ты что, серьезно, или дурачишь?

— Конечно, серьезно. Называют эту дрофу еще вихляй. Видел, бегаёт как? Птица эта сейчас стала очень редкой, вот и залетела в Красную книгу. Она очень красива и, как большие дрофы, очень осторожна. Даже когда рядом пробегает, не увидишь, потому что хитрит, пригибается. И окраска у нее, как выражаются по-научному, покровительственная. Вот мы ее толком и разглядеть не сумели, а была-то рядом. Зато голова и шея какие — яркие, пестрым воротником украшены, поэтому и походит на кобру, с которой ты сразу ее спутал.

Гнезда красоты мы так и не нашли, не нашли и птенцов, хотя была уже середина июня, и в это время дрофята должны бы быть. Однако мне на всю жизнь запомнилась эта интересная встреча с птицей, подобно змее выглядывающей из серебристой вуали ковылей, встреча с птицей из Красной книги.

ынный ландшафт

Киин-Кириш —
пестроцветные глины
Зайсанской котловины

«Марсианская долина»
пустыни Киин-Кириш

Вечер в Зайсанских
Кызылумах

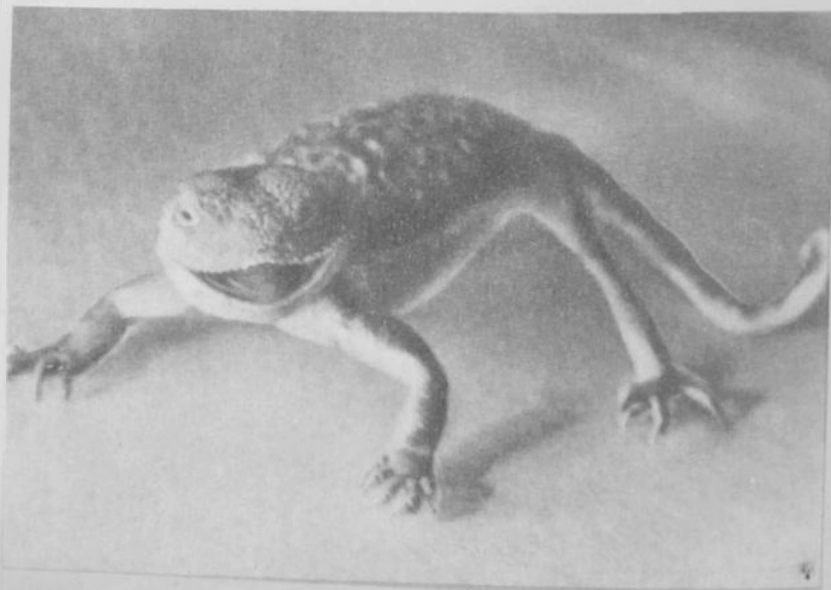

Древний житель
саксаулового леса

Под небом
Зайсанской котловины

Песчаная
круглоголовка

У горы Чакельмес. (Северный берег озера Зайсан)

В глинистой пустыне

Атайка.
(Красная утка)

Обитатель
пестроцветных глин

Краснощечные суслики

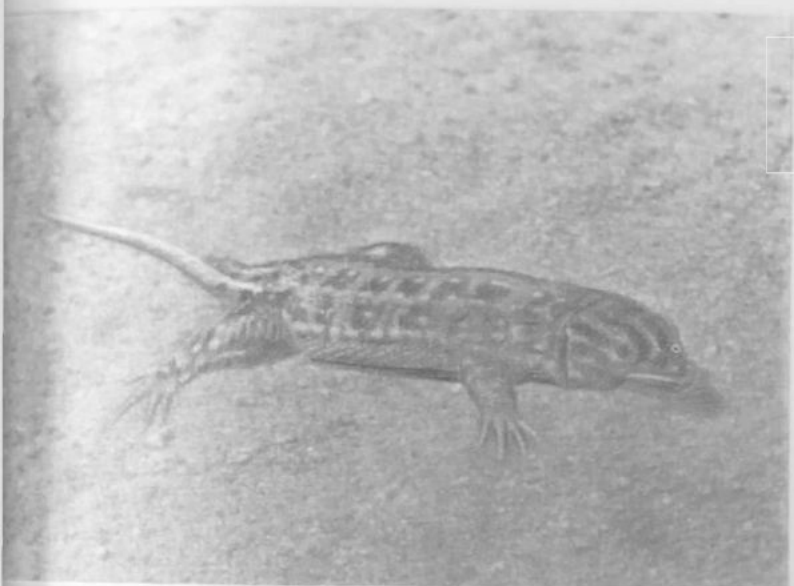
Цветущая ферула

Совка-сплюшка

Озеро Зайсан

Разноцветная ящурка

Тобылка

Вода пришла
в пески

Лысуха

В неприступной
тростниковой чаще
гнездится одна
из самых скрытных
птиц озер и болот —
большая выпь

В гнезде лысухи

У пустынного озера

Журавль-красавка

Речная крачка

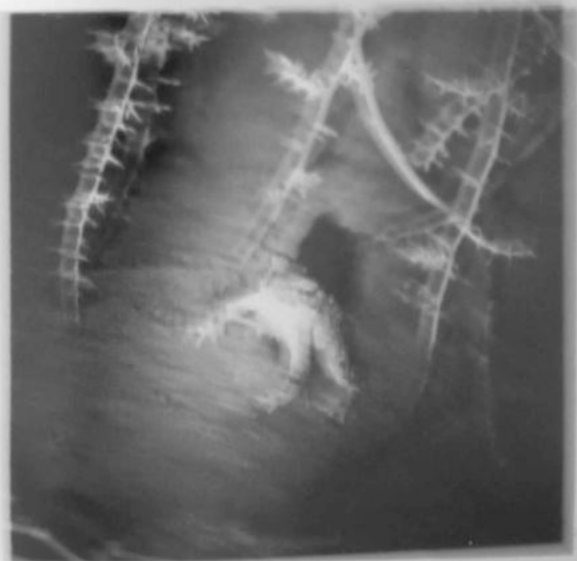

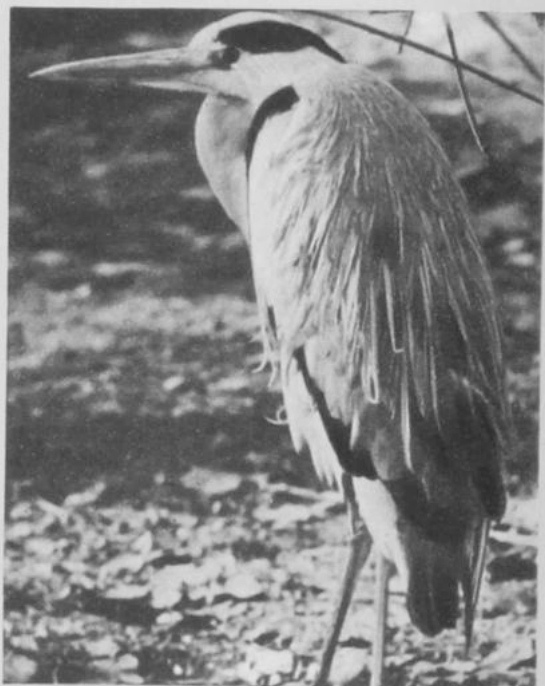
Серая цапля

В тростниках у
Стрекоза-красавица

тыныс кынар
шыкма

Серая цапля

В тростниках у озера
Стрекоза-красавка

пустынный «кенар».
(Зеленая жаба)

У северных границ Зайсанской котловины

В одном из ущелий Монрака, у небольшого ключика, стоят кусты черемухи, оплетенные, как зеленым мотком, ломоносом. Это вьющееся растение в народе раньше называли «чертова пряжа». Мы остановились, разглядывая деревца. Словно разделяя наш интерес, прилетела маленькая птичка — серая славка: она держала хвостом, косила глазками и все посматривала на эту зеленую кудель. И вдруг неожиданно замечаем, среди спутанных стеблей стоящей поодаль черемухи светлый моток шерсти. Сначала подумали, что это верблюжья шерсть. Но почему тогда здесь вьется эта пичуга? Может быть, шерсти для гнезда понадобилось? Но вот из мотка шерсти высунулась небольшая черная головка с рожками и огненными глазами. Злобно смотрит на незадачливую пичужку, шипит и пощелкивает клювом. Словом, делает все, чтобы испугать непрошенных гостей. Видно, не меньше меня удивилась и птичка-славка: вертит хвостом и кричит — чек-чек-чек, а нам кажется, что она выговаривает: черт-черт-черт.

Я осторожно подошел ближе к ушастику, а он в упор смотрит на меня, не исчезает. Рожки натопорщены, не моргает, словно решил загипнотизировать. Сидит караулит свой моток шерсти. И тут сразу все стало ясно, что за чудеса здесь кроются. Из-за собственной лохматой спины на меня смотрел одетый в светло-рыжий пух птенец ушастой совы. Он, по-видимому, недавно выбрался из гнезда, летать как следует не умеет, устал, вот и сел отдохнуть. Теперь понятно и то, что эта рожица выглядывала из-за собственной спины: ведь совы легко поворачивают голову на 270 градусов. У молодых, как правило, лицевая часть покрыта темными перьями, по краям светлым пухом, да еще, как фонарики, глаза по копейке. Для меня чудеса, а птичка оказалась практичнее — дернула «шерсти» на гнездо. А из шерсти рогатая и глазастая голова. Не хочешь, испугаешься!

В предгорных холмах Монрака, таких же полупустынных, как и Зайсанская котловина, весной цветут иксиолирионы. Иксиолирион — не цветок, а маленький волшебник. Почему волшебник? Да потому, что колокольцы его ярко-синих цветов за один-два дня способны преобразить голые каменные скалы.

Разве не чудо: вчера только желтые, серые и красные холмы в зависимости оттого, какие почвы на них, сегодня стали синими. Бреду по цветущей пустыне, люблю синими островами и вдруг вижу белый иксиолирион. Цветок-альбинос, редкость. Несколько шагов и еще один, потом еще и еще. Поднялся на увал и глазам не верю: один холм весь белыми цветками покрыт.

Еще не раз я бывал в этих местах, но белого холма не видел.

ЧИЛИКТИНСКАЯ ДОЛИНА

Южнее скалистого Монрака раскинулась громадная Чиликтинская долина. Она лежит между Монраком и Тарбагатаем и со всех сторон опоясана каменными горами. От гор Тарбагатая почти во всю длину долины прорезает речка Канды-Су. Она только весной доносит свои воды к озеру, но русло ее, пересыхающее у Зайсана летом, называется уже по-другому — Чоргой. Канды-Су на всем своем протяжении течет по дну небольшой впадины, заболоченной и заросшей мелким кустарником.

Долина почти во все времена года выглядит желтой, как спелое хлебное поле. Здесь часты ветры, их напоры

стый бег переходит в свистяще-шумящую мелодию, встречая на пути своем пространство, сплошь покрытое жесткими стеблями чия.

Проезжая по этой долине в один из осенних дней, я жадно вглядывался в желтый ворс чия в надежде увидеть большую дрофу. Старожилы этих мест рассказывают, что каких-то двадцать лет назад здесь можно было встретить тысячные стаи этих птиц. Но жажда встречи с дрофами вскоре сменилась разочарованием — их не было на нашем пути. Вспомнились записи натуралиста В. Н. Плотникова, побывавшего в Чиликтинской долине в конце прошлого века: «Нет, кажется, никакой птицы, которые попадались бы на Чиликтинской долине в таком количестве, как дрофа. Достаточно сказать, что перед отлетом долина сплошь усеяна ими; в какой-нибудь час езды по долине их можно встретить тысячи... Вообще охота на них здесь не представляет никакой трудности: хороший охотник... в день убивает штук 12—15. Киргизы их кроме «дау-дак» еще называют иногда «тюре-таук», т. е. курица-верблюд, находя в фигуре этой птицы некоторое сходство с верблюдом».

Мне остается добавить, что сейчас во всем Восточном Казахстане дроф остались единицы.

На востоке долины стоит ряд курганов. Их более десятка и расположены они темнеющей цепью. Издали кажутся невысокими, но по мере приближения на глазах вырастают. Существует предание, в котором говорится, что земля курганов была натаскана сюда шапками. И действительно загадка, как образовались эти холмы. Мы отъезжаем, и курган, напоминающий опрокинутую чашку, быстро уменьшается и, наконец, теряется среди желтых отмерших чиевников. Чиликтинская долина — долина древних курганов, долина чиевников.

ЗЕЛЕННЫЕ УШИ ПУСТЫНИ

С первым теплом на горячей от солнца равнине, по каменистым сопкам появляются округлые пятна листьев ревеня низкого или ревеня песчаного. Но как бы ни называли это оригинальное растение, мне оно представляется всего лишь маленьким ушастым карликом в сравнении с его крупным родственником — ревенем алтайским. Весной ремень выбрасывает коричнево-красноватые жилистые ладошки листьев. Два, реже три листочка поднимаются на коротеньких толстых черешках и расстилаются по земле, плотно прикрывая ее от иссушающего солнца. Маленькое мудрое растение старается сохранить каждую каплю живительной влаги и это ему удается: земля под листьями всегда влажнее. Следом за листьями вырастает тугой початок. Поначалу и он красноватый, но быстро зеленеет и, приподнявшись над равниной, распускает мелкие белые цветки, покрывая, как пеной, соцветие.

Весна в пустыне стремительна, не менее стремительна и коротка жизнь некоторых растений, за что их называют — эфемероидами. К таким растениям и относится ремень низкий. Со дня появления первых листьев проходит немногим более месяца, но и этого хватает для его роста и развития. И когда весна добирается до горных вершин, окружающих долину, подсыхают и «ржавеют» листья ревеня. Они становятся еще более морщинистыми, отчего походят на уши слоненка. С порывами ветра листья шевелятся, поднимаются, словно прислушиваются, о чем это поет ветер, о чем шепчут тощие ковыли. И однажды ветер неистово, в припадке озорства, открутит эти «уши» пустынного карлика и с сухим скрежетом покатит по земле, пока они не зацепятся за камень или куст. Ветер не уймется, пока не сорвет и не покатит от кустика к кустику, словно маленькое перекати-поле, ржавую голову ревеня, его соцветие, нагруженное семенами. В разных трещинах, за камешками и просто на голой глине рассыпаются семена. На следующий год из этих семян вырастут десятки, сотни, а может быть, тысячи зеленых ростков, и все они будут приподниматься, подслушивать звуки и песни пустыни.

Мы идем по растресканной от безводья земле. Кругом, на вершок от земли, кустарнички солянок, серых от пыли. Словно из-под земли, то и дело оглядываясь, выкатываются малые жаворонки, они делают несколько перебежек и стремительно, с журчанием летят низко над землей и теряются среди однообразной равнины. Вот и все. И опять только солнце и треск взлетевших из-под ног кобылок. Виднеются холмы, голые, плешивые, ободранные ветрами как и вся равнина. Но вот показалась живая, радующая глаз зеленая морщинка на бледноликой пустыне.

Не сразу догадаешься, почему вдруг именно здесь зеленая полоска, но вскоре все проясняется: весной и осенью, в пору редких дождей, сбегаящая с увалов вода образовывала маленький ручеек, который поначалу был настолько мал и бессилен, что вежливо огибал каждую кочку, бугорок и кустик. И так каждый год появлялся и умирал от знойного солнца этот робкий ручей. Но не зря говорят, что капля камень долбит. Проходили десятилетия, и сейчас его излюбленная дорожка—русло, которое проложил он среди сухих холмов, обратилось в глубокий овраг, распиливший равнину надвое. Водой и ветром нанесло сюда семена ковылей, колючего кустарника — караганы, спиреи и других трав. И зазеленел овраг. Далеко его видно. В зарослях его чекают серые славки, покачиваясь на ветру золотой горошиной, на карагане сидит самец желчной овсянки. Тут же крутит от возбуждения длинным хвостом туркестанский сорокопут. Не редкость и заяц-песчаник. Где зелень, там и жизнь.

Выпорхнула стройная и подвижная каменка. Чек-чек!— глухо кричит она. Она то вытягивается во весь свой рост, привставая на цыпочки, то кланяется, всплескивая темными крыльями, мелькает белый, как снег, хвост, окаймленный темной полоской. Можно подумать, что птичка страшно обрадовалась появлению человека. Однако внимательно присмотревшись, убеждаешься в обратном — каменка обеспокоена. Тогда значит, где-то близко гнездо. Но где, если кругом равнина? Каменка: и название само за себя говорит, что в какой-то степени она связана с камнями или по крайней мере с каменистыми местами. А здесь ни скал, ни камней, только ровная утомительно-однообразная глинистая равнина, едва прикрытая чахлой и редкой травой, по которой, лениво изгибаясь, ползет желтая пыльная дорога.

Я медленно иду этой дорогой, непонятно зачем поворачивающей в разные стороны по идеально ровной местности. Следом обыкновенная каменка, кланяясь и чекая, перелетает с места на место. Проводив меня на почти-тельное расстояние, каменка успокоилась, перестала чекать. У обочины дороги вынырнули из норок сначала один, потом другой глиняные столбики. Навожу бинокль, а у столбиков крупные темные глаза, натопорщенные усы и серые шубки, а на щеках яркие пятна, за которые этих зверьков называют краснощекиными сусликами. Суслик по привычке не спеша заковылял вдоль дороги в поисках съестного. Нашел, остановился и стал копать, потом сел на задние лапки и по-беличьему начал что-то есть. Внезапно его безмятежность нарушилась: над его головой с громким чеканьем, часто-часто трепеща крыльями, повисла моя знакомая каменка. Удары один за другим посыпались на голову бедного зверька. Теперь у меня не было сомнений, что гнездо рядом.

Оказывается, гнездо птички помещалось в норке суслика. С биологической точки зрения это соседство можно считать полезным, суслика выручают от опасности глаза каменки. Ведь она намного дальше его видит и не

только идущего по дороге человека, но и хищника в небе, и притаившуюся рядом лисицу заметит первой и выдаст. Чуть что, чекнет каменка-соседка: внимание опасности! И суслик на всякий случай шмыг в подземелье.

Каменке своя польза. Попробуй в сухой безводной пустыне квартиру снять. Все-таки птичка маленькая и безобидная, сунься в норку к хорьку — считай пропал. А вот норка суслика в самый раз, бояться его особенно нечего, и крыша над головой — пернатому хищнику не достать. Но дорого за это соседство платит птичка. Так однажды я наблюдал, как каменки-родители гнались, изнемогая от жары, за сусликом, который тащил в зубах задушенного полуоперенного птенца. У норы несчастных каменок лежал еще один, уже полусъеденный птенчик. В другой раз я поймал суслика с голубоватым яичком розового скворца.

Хотя и старые это соседи, каменка да суслик, но каменкам труднее приходится. Поэтому эти жизнерадостные пичуги и кричат «чек-чек», что значит всегда начеку.

«ЖЕЛТАЯ КАПЛЯ»

Если посмотреть на карту, то на желто-коричневой территории Восточного Казахстана, в северном Призайсанье, нетрудно заметить маленький каплевидный массив песчаной пустыни Кызылкумы. Впечатление такое, что крошечная желтая капля упала откуда-то сверху, приклеилась да так и осталась. На кар-

тах, покрупнее масштабом, она смотрится как янтарный кулон в голубой оправе рек Иртыша, Буқони и Куджуна.

Карта картой, но совсем другое, когда сам побываешь в этой пустыне северного типа. Она небольшая, примерно километров сто в длину и пятнадцать-двадцать в ширину. Как и большие континентальные пустыни, она красивая и суровая. Как в капле воды, в ней отражен

весь мир песчаных безводных пространств: объятые вековым сном дремлют под солнцем горбатые барханы, медленно кочующие под действием ветра по желтым просторам. Неровными рядами, похожими на низкие горы, вытянулись полузаросшие редкой травой и кустарниками холмистые гряды. Межбарханные низинки и западины высланы сплошным темно-зеленым ковром можжевельника. Птицы и зверьки, ящерицы — все здесь крепко-накрепко связаны всем своим существом с этими безводными просторами, с их немилосердным солнцем и вечным зноем. Только после того, как увидишь ее, когда сквозь подметки сапог прочувствуешь ее жар, надышишься духотой и измеришь ее трудные километры, только тогда она станет понятной, близкой и только тогда оценишь ее красоту и злость.

По краям она зарастает полями паутинистых ковылей и полынями. Пятна кустарников и рощицы черного и белого тополея уныло шумят на ветру под сухим небом. В зарослях прячутся и кормятся косули и зайцы, лисы и барсуки устраивают здесь свои логова. По следам нетрудно узнать, что обычны здесь волки.

На голых грядах, занимающих центральную часть пустыни, где не могут приспособиться никакие другие растения, жидкими снопами стоят кусты крупного сизого и жестколистого злака — волоснеца гигантского. У него крупные колосья и длинные упругие корни, которыми он, как клещ, впивается в вечно подвижные пески. По холмам струятся прозрачно-зеленые развалистые кусты жузгуна безлистого, стволы которого одеты в красную кору, за что его называют кызыл-жузгун. На закрайках массива, где по голоспинным барханам ветер рисует струистую рябь, как в глубоком сне, туго свернувшимися крупными ежами лежат круглые колючайшие кусты остролодочника. Листья его и стебли одеты в серебристый шерстистый мех. Весной они покрываются мелкими розовыми цветками, надежно защищенными колючками. И никто не рискнет сунуться за ежовым цветком, лишь с надрывным жужжанием возьмется в них тяжелые шмели. Кое в каких низинах воедино сплелись ветвями шиповник, спирея и жимолость. Среди них поднимаются с разлохмаченными рыжими метелками прошлогодние тростники. С каждым годом все шире распространяются заросли чингиля. Достопримечательностью песков можно считать темнеющий на склонах гряд, обращенных к

долине Кулуджуна, маленький и реденький сосновый массив, который прежде был несравненно больше и назывался Хатун-Карагайским бором. Вот как о нем писал в начале прошлого века горный инженер Влангали: «В Хатун-Карагайский бор так же, как и в Каиндинский, высылают из Кокбектов партии для рубки строевого леса, и для этой цели здесь построена деревянная казарма». Читая эти строки, приходится удивляться, почему в настоящее время не сохранилось никаких следов бывшего величия этого лесного массива. Сто пятьдесят лет прошло примерно, однако в сухой пустыне — ни одного пня, а ведь сосна медленно гниет — смолистое дерево.

Сейчас на растущих соснах охотно гнездятся сороки и обыкновенные пустельги. Еще нередко здесь можно увидеть громадные гнезда орлов — беркутов.

Кызылкумы, как считают геологи, детище слуг Эола, то есть они образовались за длительные исторические времена, в результате ветровой деятельности. До появления на земле человека этот древний массив был покрыт сосновыми лесами, в которых бродили, наряду с прочей живностью, медведи. Здесь же жили мелкие пустынные зверьки — тушканчики. Хотя и трудно представить соседство медведя и тушканчиков, но так по крайней мере прошлое этих песков рисуют в своих научных трактатах современные ученые-палеонтологи.

Истекали века, изменялся климат и в результате исчезли леса, не стало медведей; какие медведи в безводных песках? Только по-прежнему сохранились исконные аборигены пустыни — тушканчики. Такие, например, как мохноногий и трубкоухий или сальпинготус. Здесь же встречается обитатель центрально-азиатских песчаных пустынь хомячок Роборовского.

Трудно, но очень интересно бродить здесь. Все достоинства и все разочарования познаешь только тогда, когда пройдешь пустыню вдоль и поперек, испытаешь неудобства, связанные с переходами, познаешь глубокое разочарование к ней, но назавтра все тяжести забываются, и пустыня вновь обретает гипнотическую силу влечения.

Веками эти пески не знали ни воды, ни путного дождя в летнюю пору. Набегут с Калбинских гор тучки и поползут по песку темные пятна теней. Кажется, вот-вот закапает желанный дождь на истосковавшуюся по дождю пустыню. Но потому она и называется пустыней, что в ней нет воды и поэтому скудны ее краски, и поэтому так бедна растительность. Во всем виновато солнце, это оно немилосердно выпаривает последнюю влагу и горячими восходящими потоками воздуха разгоняет заблудшие облака. Так было год от года, так было веками, тысячелетиями, так было всегда в пустынях. Но вот пришли люди и создали Бухтарминское море, которое затопило древнюю пойму Иртыша и вплотную подошло к самой пустыне. Вода напоила недра и вышла по ямам. Так и получилось множество мелких озер вдоль берега водохранилища. Вокруг воды зазеленели, зашумели густые тростники. Поначалу было непривычно в оглохших от тишины песках слышать всплески воды, шум камышей и голоса поселившихся здесь птиц. Привыкшие тихо и мирно наслаждаться безграничной щедростью солнца ящерицы, панически бросались в свои норки от шума крыльев и теней прилетающих на кормежку цапель и уток. Шло время, и рептилии привыкли и к зеленой стене тростников, и к шуму крыльев.

Таким образом, прыткие песчаные души — эти симпатичные ящерицы — постепенно перекочевали под сень зеленого заслона молодых озер.

Но уровень воды в водохранилище в течение ряда лет постепенно понижался, в результате стали пересыхать мелкие озерки. Вода скатывалась к центру песчаных ям, а следом, окружая ее, стягивалось зеленое кольцо. Вместо воды теперь стоят зеленые островки, постепенно заносимые песком. И что интересно, ящериц на таких островках в несколько раз больше, чем на открытых местах. У них здесь появился ряд преимуществ: легче добыть корм, стало безопаснее — пусть попробует хищная птица поймать в лабиринтах зарослей.

В тот год с ребятами со станции юных натуралистов я обходил пустыню Кызылкумы по берегам рек, опоясывающих ее. На глазах с головой уходили под воду луга и заросли кустарников — шло наполнение Бухтарминского водохранилища. Целую неделю мы шли по пескам, наблюдая, как изменялась береговая

линия и как пустыня впервые встретилась со своим злейшим врагом — водой.

Большей частью путь наш пролегал по кромке берега. Так было легче, чем карабкаться на холмы, утопая по щиколотку в песке. Шел август 1966 года, и вода в то время не только затопила прибрежные луга, но и достала пески. Набегающие волны подлизывали берега, уплотняя узенькую кромку у самой воды. По ней мы и шли, что очень облегчало путь.

На пути встал высокий бархан. Его желтый, осыпающийся бок точили волны. Мы остановились, наблюдая, как через две-три минуты по нему сползали желтыми змейками песчаные струи. Нам показалось трудным взбираться на его вершину и решено было идти напрямик. Шагаю, опираясь рукой на осыпающийся бок полуразрушенного бархана. И вдруг опора под ногами исчезла, и я стал погружаться в сыпучее месиво. Делаю несколько энергичных движений, чтобы вытянуть ноги, но к ужасу своему еще быстрее тону. Песок заливает голенища сапог, мое барахтанье и груз — набитый до отказа рюкзак и палатка — только ускоряют погружение. Успеваю крикнуть, чтобы ребята не подходили. Внезапно пришло решение освободиться от ноши, но тут же, потеряв равновесие, упал. Встал на четвереньки, но руки сразу же по локоть ушли в «сухую жижу». В это время рюкзак и палатка перекинулись вперед и, больно ударив по затылку, перекатились через голову. Перевалившийся груз создал большую опору, и мне удалось, лежа на песке, вытащить ногу. Сцепившись за руки, помогая друг другу, ребята ухватились за сапог и стали дружно тянуть, как того бегемота, только из желтого болота. Вытащили! Вся эта ужасная картина произошла

так неожиданно и быстро, что всю до конца опасность мы осознали позже. Поражало коварство — песок как песок и вдруг жидкий, без дна. Настоящая трясина!

Смутно вспоминаю описания зыбучих песков или зыбунов, которые очень редко встречаются в песчаных пустынях Азии и Северной Америки. В них погибает все живое, и даже современная техника бесследно уходит в их глубины. Природа зыбучих песков загадочна и поэтому ее изучению посвящено немало исследований. Было подмечено, что зыбуны появляются там, где к поверхности пустыни близко подходят грунтовые воды. Из-за воды трение между песчинками сводится до минимума и песок становится текучим, а места эти обращаются в прекрасно замаскированные желтые трясины.

КОРИЧНЕВЫЕ АРХИПЕЛАГИ

Справа горы песка, слева накатывающиеся волны. Спорят пустыня и рукотворное море. В стороне от водохранилища сплошной вереницей на горячем песке лежат громадные куски торфяных пластов. Нетрудно было догадаться, каким образом этот торф оказался далеко от берега: его принесло отступившей водой.

И, конечно, странно было видеть длинный коричневый архипелаг среди золотистого сухого моря песков. Исушенный суховеями и солнцем торф был сухой, как порох. Перевернув несколько небольших пластов, я убедился, что под ними — влажный песок и масса всяких пустынных насекомых, нашедших здесь спасение от зноя. Тут же скрывались мелкие мышевидные грызуны, а из-под одного пласта выскочил хорь-перевязка, ставший очень редким в наше время. В тени прячутся и ящерицы — песчаные вертихвостки. Но больше всего поразили удоды и полевые воробьи. Казалось бы, откуда им тут взяться? Вокруг на песке были узенькие следки этих пестрых птиц. Разгадка пришла сразу же, как только я осмотрел несколько возвышающихся глыб. В одной из них и находилось гнездо удода. В гнезде у

него определенно сидели птенцы, но я не стал раскапывать норы, у которой птица крутилась с кормом. Раскопать — означало погубить выводок. Молодцы удода, придумали, как освоить пустыню. Собственно особенного здесь ничего и нет, так как гнездятся же они в норах в глинистых обрывах на краю этой же пустыни, по реке Буконь. Но, по-видимому, гнездо от гибели в этом слепящем пекле выручают прекрасные теплоизоляционные свойства торфа, иначе бы птенцы просто-напросто испеклись.

ЖУЗГУН-ЖУЗАЙ

Как известно, на земле Казахстана преобладают над остальными ландшафтами пустынные и полупустынные, которые большей частью заселены замечательным растением жузгуном. Коричнево-красноватые стволы этого кустарника покрыты редкими и длинными игловидными пучками побегов. В песчаных пустынях севера и юга Зайсанской котловины эти спутники

пустынь имеют правило селиться преимущественно на вершинах дюн, барханов и гряд. Поэтому они далеко видны и придают особый колорит местности. Но более привлекательны кусты жузгуна в пору цветения и когда на них появляются оригинальнейшие семена. Густыми высыпками белые и мелкие звездочки цветов покрывают его ветви в мае, а в июне появляются суховатые и шаровидные плоды. Будто сделанные из сухой красноватой бумаги, они имеют зубчики или бахрому на вершинах плодолистиков. Чаще всего эти семена-шарики имеют красноватую окраску, и густо обвешанные ими ветки становятся красно-зелеными от иглистых побегов и легковесных шаров. За форму и цвет их называют жузгун, что в переводе с казахского означает — «сто солнц».

Но семена этого кустарника бывают, оказывается, не только красноватые, но и бордовые, красно-розовые, сиреневые. Они как бы вобрали в себя все краски пустынного солнца, сиреневых отблесков утра и густо-красные всполохи закатного неба. Кроме ярких и далеко замет-

ных семян у одних растений есть другие виды с зелеными и бледно-желтыми. И тогда это оригинальнейшее растение можно называть (лирикам, конечно) «сто солнц» — «сто лун» или жузгун-жузай.

ЯЩЕРИЦА-ГОЛУБОГЛАЗКА

Это шустрая с вытянутым рыльцем ящерка, внешне напоминает крокодилчика в миниатюре. Впервые эта редкая ящерица была поймана в 1964 году в песках Кызылкумы, которые еще называют Буконьскими. Позже ее видели в песках у поселка Буран на правом берегу Черного Иртыша.

Это очень прыткое создание. Заметив, что ее преследуют, старается шмыгнуть в норку.

Однажды, проходя небольшим участком этой пустыни, я увидел голубоглазку, нырнувшую в норку. Поспешно сбрасываю рюкзак, падаю на четвереньки и начинаю расшвыривать песок. Когда закопался по плечи, с одной из горстей вытащил ящерицу. Но странно: она лежала кверху брюшком, расставив в стороны лапки. С сожалением и досадой я поднял бедняжку, ругая себя за неосторожность. На ладони лежала стройная и изящная рептилия.

Неожиданно ящерица воскресла, но не успел я и глазом моргнуть, как она прыгнула на песок и, оглянув кусты, помчалась что есть сил. «Вот обманщица!» — сказал кто-то из моих ребят, и мы дружно пустились за ней. На пути ящерицы было маленькое озерко. «Очень хорошо, — мелькнула мысль, — тут уж ты не уйдешь». Для ящерицы вода — серьезное «препятствие». Однако случилось непредвиденное: не останавливаясь, она «пролетела» через воду, что называется ног не замочив, и исчезла среди кустиков на противоположном берегу. Оказывается, на помощь беглянке пришли листики плавающего папоротника сальвинии, устилающие поверхность воды. Я обежал озерко. Рептилия сидела на песке, отдышалась. Увидев своего преследователя, спряталась за куст и стала бегать вокруг куста. Поймал! Только теперь

я получил возможность основательно рассмотреть новую для этих мест ящерицу, название которой — ящурка глазчатая. Серая спинка, как глазками незабудок, усеяна округлыми, голубыми пятнышками, вкрапленными в темные ободки. Вероятно, из-за них ее и назвали глазчатой. Можно назвать и глазчатая голубоглазка! А сами-то глаза маленькие, подвижные, чуть плутоватые.

Радуюсь необычной встрече. Глазчатая и вдруг у Зайсана, да еще в совершенно несвойственной для нее обстановке — горячих сыпучих песках. В научной литературе указывается, что места ее обитания находятся в Средней Азии и Туве. Там она живет высоко в горах, на щебенистых или каменистых почвах, по речным долинам с редкой растительностью.

Интересна ящурка и тем, что, в отличие от близких родственников, откладывающих яйца, производит на свет живых малышей. Особенность эта связана именно с жизнью в высокогорных условиях, где летом почвы слабо прогреваются и не могут дать необходимого тепла для развития яиц. Поэтому существование этого вида в условиях высокогорья поддерживается благодаря живорождению. Естественно, возникает вопрос: как же она размножается в Призайсанье? Разгадать это предстоит зоологам.

РИСУНКИ НА ПЕСКЕ

Сыпучие голые пески всегда производят гнетущее впечатление — лишенных жизни. Но вскоре же убеждаешься в противном, когда видишь множество разных следов на поверхности пустыни. Сплетения следов местами образуют настолько запутанные и живописные узоры, что не сразу и сообразишь — кому же они принадлежат? День ото дня на сыпучих спинах барханов появляются все новые и новые следы. Бывает, встретишь такой бархан, который так причудливо расписан, что послужил бы великолепным иллюстрационным пособием о жизни местных шестиногих, четвероногих и пернатых обитателей. Поднимется над пустыней ветер, закрутятся

тупые вершины песков и светлыми сухими струями потекут они, стирая следы. Зазвенят в воздухе песчинки, захрустят на зубах, забьют глаза. До первой ночи пропадают во всей пустыне морщинки-ряби и отпечатки лап и хвостов ее обитателей, а в сумерках опять появляются на ней следы. Так животные рисуют.

Но, оказывается, рисовать на песке могут не только ползающие и бегающие, рисуют ветры и даже растения — кустики, травинки. Например, у куста жужгуна, забравшегося на самую макушку бархана, песок так прибит, словно кто-то специально по нему хлопал ладошкой. Но кто же? Оказывается, на песке видны следы иголок, что растут на кусте. А вот еще один художник. Он нарисовал вокруг себя почти идеальный круг. Это гигантский знак пустыни — волоснец. Но как же это у него получается? Позже своими глазами увидел, как это все делается: дует ветер и растение своими ветвями чертит вокруг себя. В утренние часы ветер дует с востока, листья у растения изгибаются и, касаясь своими верхушками песка, начинают черкать, получается полукруг диска. В полдень ветер дует с разных сторон, постоянно меняя направление, растение нагибается в разные стороны и получается полный круг.

Так и рисуют здесь с помощью ветра кусты и травы. Каждый рисует свое, а получается только солнце. Оно приносит им свет и первое тепло весны, оно испепеляет их далеко до прихода осени. Солнце здесь всему голова. Так что же им рисовать еще, если не Солнце?

РОСИНКА

Утро выдалось холодное. На жестких листьях тростника, опоясавшем зеленым кольцом Чаечье озеро у Куджуна, с первыми лучами заиграла выпавшая за ночь роса. Самые крупные капли — с горошину, мелкие — с булавочную головку, сидели на невидимых простым глазом ворсинках кинжаловидных листьев. Со стороны озера набегал ветерок, гнул тростины, тряс растения, и каждая росинка, едва удерживаясь, колыхалась

вместе с листом и огнистыми лучинками, как по цели, стреляла по глазам, поражая своей красотой. Я заметил самую крупную жемчужину, набрякшую на кончике все время дрожащего листа. Она загоралась то слепящим белым огнем, как полуденное солнце, то сине-зеленым, как Юпитер, то красно-оранжевым светом Марса и еще разноцветными огнями далеких и неизвестных звезд. Но прекраснее всех огней, которыми загоралась эта росинка, был нежно-голубой цвет нашей Земли. Не зря говорят, что в капле росы весь мир отражается, я же увидел Вселенную.

ЗНАМЕНИТАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Мало кто знает, что в Казахстане живет замечательный зверек, сведения в биологической литературе о котором появились совсем недавно.

Мне посчастливилось «познакомиться» с ним не в музее, не в зоологическом саду, а прямо на природе...

В полуночной тьме мы колесили по песчаным дорогам Зайсанских

Кызылкумов, высвечивая фарами всякую ночную живность. Проехав полтора-два десятка километров, заметили светлый комочек, прижавшийся к земле. Им и оказался этот замечательный зверек.

Только на следующее утро я по-настоящему рассмотрел реликтового тушканчика этой древней пустыни. Он сидел у меня на ладони и с большим аппетитом уплетал предложенную ему ночную бабочку. Откусив крылышки, он крепко зажал тельце насекомого в крошечных передних лапках и принялся сладко и самозабвенно «точить» ее своими тонкими, как шильца, передними зубками. Это был крошка среди крошек: не больше грецкого ореха и необычно головастый. Голова его по размерам не уступала туловищу и никакого намека на шею, словно два мохнатых шарика приросли друг к другу и получился светлый меховой «снеговичок» с длинным — веревочкой — хвостом. На округлой мордашке серебрился веер

огромных усов. Они были длиннее туловища. Бармалей, да и только! Хвост — тоже длинный и слегка вздутый посередине и у основания, что делало его похожим на молодую морковку, увенчанную тонкими корешками — вибриссами. У меня на ладони на редкость беспечно сидел странный житель песчаных пустынь Призайсанья. И эта странность в полной мере отразилась и в его названии. Маленького, недавно изученного зверька поименовали так, словно хотели только одного — подчеркнуть его главные физические «недостатки». Разумеется, если бы он знал, что его так называют, то сильно обиделся бы на нетактичных зоологов. А называют его — жирнохвостым, карликовым, трехпалым и трубкоухим. И плюс к тому — «мистическое» название по латыни — сальпинготус крассикауда. Да, зоологи народ дошлый, все подметили. За что же такая «немильность» к этому безобидному маленькому существу? Если внимательно присмотреться, то вы увидите, что жирнохвостым он назван за свой действительно вздутый за счет жировых отложений хвост. Верблюд откладывает жир в горбах, овцы в курдюке, медведи под кожей и на внутренних органах. А вот чтобы рюкзак с провизией в хвосте — никто! Название карликовый — потому что он самый маленький, пигмей даже среди своих многочисленных родственников. Понятно, почему его называют и трехпалым. С точки зрения человека три пальца на лапе — это уродство, а с точки зрения природы — это прекрасное приспособление для животных, нуждающихся в прыгучести. А прыгучесть этим безобидным тушканчикам нужна ежесекундно, иначе не миновать ему когтей и зубов многочисленных хищников, которые охотятся за ним. И, наконец, трубкоухий... Так его окрестили за то, что ушные раковины напоминают трубочки. Это и редкое и самое примитивное в животном мире устройство раковины слухового аппарата.

Ну вот, пожалуй, и все основные «недостатки» этого маленького зверька. Он действительно такой «странный». Не хочешь, да заметишь. Уродец и только! Но хотелось бы сказать, что несмотря на нефотогеничность, он весьма симпатичный. Особенно привлекательным его делают большие темные глаза, какие подобает иметь каждому ночному существу. На солнце они блестят, как лакированные пуговицы, пришитые к рыженькой меховой игрушке. Многим трубкоухий тушканчик отличается

от близких ему родственников, но есть у него и много общего с ними: это длинные «кенгуринные» задние ноги, которыми он пользуется на ходу, а передними только копает норки, защищается, чешет шубку и берет пищу. Как и все остальные его «родственники», он бодрствует только ночью. Поэтому до последнего времени многое о его жизни было неизвестно.

Я испытывал, глядя на него, огромное удовольствие. Этот гномик, сидя на руке, расчесывал свою шерстку с помощью зубок и светлых коготков. Затем он брал «пальчиками» свой длинный хвост и пропускал его через кулачки, то и дело покусывая и облизывая. Несколько раз он ткнулся мордочкой в мою ладонь и, поняв, что бежать некуда, вдруг уперся между пальцев и начал «копать» словно податливый песчаный грунт, содрогаясь при этом, как минивибратор.

Таких животных, как карликовый трехпалый тушканчик, зоологи называют реликтовыми эндемиками — это существа, история происхождения и формирования которых уходит в глубь многих тысячелетий. Их принято считать современниками шерстистых носорогов, мамонтов и других давно исчезнувших с лица земли зверей и птиц. Мы так устроены, что историческое прошлое этого «никому не нужного» тушканчика всегда связываем с существованием таких знаменитых существ, как мамонт или носорог, словно в этом случае малыш воспринимается серьезнее и значительнее. А ведь по сути все ныне живущие звери, птицы и пресмыкающиеся тоже были современниками исчезнувших животных. История их возникновения тесно связана с историей самой Земли, живой частичкой которой они являются. Исчезновение их, да еще по вине человека, — чистейшее варварство, так как с ними исчезает и крупница истории нашей планеты, населенной уникальными творениями жизни. И мы должны внимательно следить не только за теми видами, которым уже грозит исчезновение, но и за «обычными» соседями по планете. Ведь и те, которых мы сейчас охраняем, которые занесены в Красные книги, еще совсем недавно были такими же обычными.

Держа на ладони этого забавного симпатичного зверька, я переживал особое чувство, потому что вокруг была древняя пустыня, древнее азиатское озеро, и я держал реликтовое животное, у которого так много названий и о котором еще мало кто знает.

Недавно считали, что сальпинготус живет только в пустынях северной Монголии, потом нашли его в этой пустыне у озера Зайсан и в южной части котловины. За последние годы он был обнаружен также у озера Балхаш и недалеко от Аральского моря.

ЛИЛИЯ

Еще совсем недавно эта лилия была обычным растением наших водоемов. Прошли годы, и мы почти совсем позабыли, что по озеркам, старицам и мелким болотам росло это красивейшее растение отечественной флоры.

А вот недавно, обследуя пойму Кулуджуна, огибающего северную пустыню Зайсанской котловины — Кызылкумы, я наткнулся на озерко, скрытое среди зарослей тростников. На его чистой поверхности, тронутой розоватыми отсветами разгорающегося дня, среди больших лепешкообразных листьев, белыми звездами плавали раскрывшиеся цветы лилии. Живые лилии — цветы, о которых говорится в древнейших легендах и преданиях многих народов. Например, у древних эллинов она была символом красоты и красноречия. По чудесному сказанию североамериканских индейцев цветок ее образовался из искр, столкнувшихся между собой Северной и «Вечерней» звезд. По преданиям древних славян в красивейший цветок лилии превратилась русалка. Поэтому у них называлась она русалочьим цветком. Ученые-ботаники называли лилию суховато-белой кувшинкой. По-латыни она называется нимфа кандида, что в переводе значит — нимфа белая.

Во многих легендах говорится о том, как сказочно красивая нимфа обратилась в цветок белой лилии. Все предания, как видно, подчеркивали главное достоинство этого цветка — красоту. Надо думать, что такой мифический ареол вокруг растения у разных народов связан еще с тем, что цветет лилия на болотах и озерках, которые люди в старину, как правило, населяли лешими и водяными.

В старинном русском травнике, как писал Н. Верзилин в своей замечательной книге «По следам Робинзона», белую кувшинку называли одолень-травой, травой, способной одолевать нечистую силу. А славянин, отправляясь в дальний и опасный путь, зашивал в мешочек кусочек корневища лилии и носил его вместо амулета на шее, творя признанное заклинание: «Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы о нас не думали, скверного бы не мыслили, отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца во всем пути и во всей дороженьке».

Символические «лебединые цветы» и мне помогли — улучшили настроение. Я пересек пустыню, подошел к воде уставший. Здесь у озера отдохнул, освежился, будто и на мне сказалась их магическая сила.

ЕЩЕ ОДИН РЕЛИКТ

Я приятно волнуюсь, когда издали вижу едва возвышающийся песчаный массив Буконьских песков, которые обложены с северо-запада сухими степями и зеленой поймой реки Кулуджун. На чистых местах вразброс торчат кустики пустынных растений и повсюду их длинные, как паутина, корни, большая часть которых закатана частыми ветрами в коричневые рулоны. Среди скудных кустарников, растущих в этой пустыне, совсем недавно найден еще неизвестный для нашей республики кустарник — даурский можжевельник. В настоящее время он распространен в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Северной Монголии. От широко распространенного казацкий можжевельник отличается, если судить поверхностно, более мелкими и колючими хвоинками. Естественно, находка поразила ученых, да и как не удивляться, если сейчас он растет далеко от этой пустыни. Каким образом он оказался здесь? Может быть, в прошлом, в давние исторические времена, он был распространен гораздо шире, чем сейчас. С тех пор облик

ландшафтов изменился. Можжевельник, как вид, повсюду вымер, а вот здесь сохранился до наших времен в виде небольшого островка. Может, это говорит о том, что в этой пустыне мало что переменялось с тех пор? Но перемены все-таки были — кустарник утратил былую способность размножаться семенами. По наблюдениям, у него не образуется женских семенных шишек. Образуются только мужские. Возникает сам по себе вопрос: каким же образом ему удалось дожить до наших дней, если он не способен производить семена жизни? Оказалось, что расселение можжевельника происходит путем укоренения молодых побегов. Расползаются в разные стороны побеги и ширится заросль. Мне однажды встретились несколько кустиков, стоящих поодиночке. Что же это? Может быть, все-таки в отдельные благоприятные годы у кустарника вызревают женские семенные шишки, иначе бы не росли эти кустики. А может быть, это остатки уже исчезнувших массивов? В наше время, когда интенсивно осваиваются земли, совершенно естественно возникает вопрос: «А не исчезнет ли окончательно это реликтовое растение из этой пустыни?» Ведь достаточно небольшой оплошности: незатушенный костер, выпас скота или мелиоративные мероприятия, и даурский можжевельник не выстоит. Поэтому необходимо, чтобы общественности нашей было известно, что только в Зайсанских Кызылкумах, и больше нигде в Казахстане, растет реликтовое растение — даурский можжевельник, и его нужно сохранить.

ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА

На краю песков у Чаячьего озера я вслушивался в трескучие голоса шныряющих в камышах дроздовидных камышевок. Это самые крупные и самые громкоголосые птицы из этого многочисленного семейства. По силе ее голоса можно подумать, что поет не маленькая птица — величиной с воробья, а, по крайней мере, она не меньше утки. Удивительная у камышевки натура: ныряет в заросли и начинает скрежетать, хоть уши

затыкай от ее неблагозвучного пения. Вскоре камышевка входит в азарт и, не прекращая скрежетать и кричать, поднимается выше и выше, до самой макушки камышины. На фоне лилово-фиолетового закатного неба виден ее силуэт с взъерошенными на голове перьями и раздутым горлом. Клюв то и дело раскрывается, и все время пульсирует горло.

Совсем рядом монотонным свертком заводится другой вечерний певец-варакушка, безупречно передавая голоса насекомых и птиц, которые он когда-то слышал в природе. От избытка энергии он то и дело взлетал, подпрыгивал и трепетал на одном месте и опять пел разными голосами. На секунду он унимался и, пощелкивая клювом, как далекий пастуший бич, дергал хвостом и смотрел на меня. Чего, мол, здесь сидишь?

Таким я и запомнил этого самца варакушки.

СЕНОСТАВКИ

В Казахстане живет пять видов пищух — небольших зверьков, получивших название свое за замечательную способность воспроизводить громкий почти птичий свист. Они интересны еще и тем, что от природы своей наделены умением заботиться о себе: впрок запасают сено. И делают эту работу во всей необходимой последовательности: косят без косы — зубами; снопики травы не возят, а носят сами — в зубах; для просушки раскладывают траву у своих нор, а чтобы сено не заплесневело от сырости, перекалывают его и, наконец, скирдуют или складывают под камни. Словом, находят ему подходящее место, как и каждый заботливый хозяин. Вот за эту оригинальнейшую способность зверьков и называют еще сеноставцами или сеноставками.

Хотя тело их лишено грациозности и гибкости, они по-своему симпатичны. Лапки их как бы обуты в меховые чулочки. Это головастые, чуть горбоносые зверьки с

нашлепками округлых кожистых ушей. Привлекательными их делают большие навыкате глаза, они придают зверькам глуповатый и вечно удивленный вид, особенно малышам, которые напоминают стилизованных меховых медвежат.

Самая маленькая из этих деятельных и подвижных зверьков — пищуха степная, о которой я и хочу немного рассказать. От остальных она отличается не только малым ростом, но и темной окраской, а также светлыми полукольцами, окаймляющими округлые уши. Если придерживаться зоологической характеристики мест их обитания, то можно сказать, что грызун этот населяет слегка увлажненные луговины, заросли кустарников и даже лесные колки. Однако на большей части своего ареала пищуха живет в степи, за что и названа степной.

Летними вечерами там, где они живут, слышатся громкие и очень приятные чистые свисты: чинь-чинь-чень-чень-чень. Поначалу этот крик звучит восторженно, но к концу, словно настроение зверька меняется, крик переходит в громкий тоскливый плач. Каждый раз слушая их, я вспоминаю свое первое знакомство с этими осторожными зверьками. В те годы, мало-помалу приобщаясь к миру зверей и птиц не по книжкам и телевидению, а прямо в природе, я постоянно вел полевые дневники, в которые записывал все, что видел и слышал. Однако в записях моих значились не пищуха, а пеночки-теньковки, маленькие птички. Все эти недоразумения были связаны с тем, что, сколько я ни подбирался на крик зверьков, ни разу увидеть их среди кустов не пришлось, и я считал, что кричала какая-то птичка. А какая?

Прошли годы, я обрел некоторый опыт и знания, позволяющие мне уже не только по виду, но и по голосам узнавать многих птиц своего края. И я понял свою ошибку. Сейчас не без улыбки вспоминаю, как эти голосистые зверьки — пищухи ловко обманывали меня, не желая этого сами.

И вот в один из летних месяцев с юннатами-зоологами мы медленно шли по берегу Бухтарминского водохранилища в сторону озера Зайсан. В одном месте, обходя зыбучий песок, заметили в стороне небольшую рощу белого тополя. Там можно было отдохнуть в тени. Как только сбросили рюкзаки, в тот же миг заметили мелькнувшего зверька. Без особого труда мне удалось поймать его. Ребята были в восторге, увидев на моей ладони ша-

роподобного малыша степной пищухи. Напугавшись, он втянул голову, вылупил глаза и шевелил только длинными серебристыми усами. Я был озадачен, что пищуха и вдруг здесь, среди горячих бугристых песков. А что было делать бедным зверькам, когда бывшие луга, на которых они жили у Иртыша, оказались затопленными? Вот они и перекочевали в пески. Какова же будет их дальнейшая судьба? И получил ответ ровно через десять лет, когда вновь обходил знакомую пустыню. Заночевав примерно в тех же местах, я услышал и весь теплый вечер наслаждался переключкой множества степных пищух.

ВАРЬКА

Солнце в зените. Воздух над песками вскипал, и, казалось, пустыню трясло в горячей лихорадке. Однако, несмотря на духоту и зной, за мной увязалось полчище комаров. Кто бы мог подумать, что в пышащих огнем песках столько комаров. Сказывалась близость заболоченной поймы Кулуджуна. Защищаясь от назойливых кровопийцев, я срывал кусты ферул и вместо колпака накрывал ими голову, да еще поднимал воротник куртки — в такую-то жару. Последняя гряда: из-за желтой хребтины показалась зеленая кустистая пойма Букони, где можно было искупаться и отдохнуть в прохладе. Здесь же, в тени деревьев, стояла палатка пастуха, а вокруг паслись коровы. В стороне от палатки, под раскидистыми ивами, на брезентовом плаще, заложив руки за голову, дремал пастух. Серая, выцветшая от солнца кепка была надвинута на глаза.

Как же это он умудряется спать, когда столько комарья? И что это? Глазам не верю: взад и вперед по человеку бегала варакушка. Птичка была очень красива: на ее груди, как в синем медальоне, красовалась светло-коричневая вставка. Щелкая клювом, варакушка стремительно перелетала, бегала от головы к ногам, хватая пролетающих насекомых. Еще несколько бросков — и с полным клювом насекомых она нырнула в кусты. Удив-

ление мое было велико — варакушки и другие соловьиные птицы очень осторожны по отношению к человеку. И вот на тебе — варакушка на кончике сапога.

Подошел ближе, поздоровался.

Идиллия безмятежности исчезла. Залаяла собака, исчезла птичка, и пастух сел. Потом прикрикнул на собаку и поздоровался.

Разговорились.

— Хорошая птичка, не знаю только, как называется, — сказал он, — и вот так все время около меня. Собаке не даю рядом ложиться, чтобы не испугала ее. Варька хоть и собака, а не хуже птички мухоловит. Разумеется, не столько ловит, сколько клямкает зубами, того и гляди в азарте ухо отцапает.

Сморенная сном Варька осоловело глянула в мою сторону, но услышав свою кличку, сонно открывала глаза и смотрела в нашу сторону до тех пор, пока глаза сами не закрывались.

— Каким же образом вам удалось варакушку приручить?

— Так эта дружба-то сразу меж нами появилась, как только со стадом пришел. Поначалу вот здесь — он ткнул пальцем в кусты — палатку поставил, в холодке, думаю, лучше будет. Жара-то вон, сам видишь, какая! Когда уже поставил палатку, тогда и заметил, что птичка около порхает, хвостом дергает. Смекнул, что гнездышко рядом у нее. А сказать-то не может. Сжалился и перенес палатку на другое место. Сам-то я в деревне рос, вот и понял горе ее. Сейчас у нее птенчики вот-вот вылетят. Вот так дружба меж нами и повелась. Она хоть птушка и малая, а все одно — добро понимает.

Пастух посмотрел на меня и, убедившись, что слушаю его с интересом, продолжал:

— Теперь получается, мы соседи добрые с ней. Я ее деток будущих поберегу, а она меня от комаров спасает. Вот такая дружба меж нами возникла. А птичка моя не только хорошо мухоловит, но и поет так, что заслушаешься. Варакушка, говоришь, зовут ее? Варька тоже значит.

Пока мы беседовали, варакушка несколько раз выбежала из зарослей и, блеснув глазами, исчезала в кустах.

Я попрощался. Когда отошел метров на двадцать и оглянулся, варакушка Варька уже снова была около пастуха

ОДИН ДЕНЬ У КУЛУДЖУНА

В Калбинских горах в апреле еще полным-полно снега. Однако на южных склонах уже темнеют проталины и желтеют высыпки алтайской леонтицы, цветут адонисы. Умыш — самый высокий перевал через Калбинский хребет: из-под колес автомобиля комьями летит грязь. На размытой дороге сидят стайки черных ворон. И в воздухе, и на земле поют пролетные жаворонки. Проезжаем Самарку, Казнаковку, и дорога поворачивает направо, вдоль Кулуджуна. Слева потянулись пески, справа широкая зеленая пойма реки. В пустыне по-летнему тепло и приветливо. Отошли и посвежели темные можжевельники. На песке пестрят бесчисленные следы тушканчиков, хомячков и зайцев. Сдвоенные следки жуков-чернотелок, как швейной машинкой прострочили желтую накидку пустыни. Вот свежие, словно врезанные в песок следы косуль. Выхожу из машины, иду, как можно, тише. Авось и увижу этих красивейших оленей. Песок натекает в ботинки. Ногам становится тесно. Приходится разуваться и выливать сыпучую струю. Во время такой процедуры слышу, как за ближайшим барханом кто-то топчет, трещит можжевельником. Осторожно подкрадываюсь — это и есть косули. Они на миг замерли, и я разглядел их влажные носы, темные благородные глаза, изящные меховые рога на голове самца. В несколько прыжков эти «летучие» звери скрылись и потерялись за желтыми увалами. Опять тихо, только далеко слышно, как скрежещут жесткие листья гигантских злаков.

Подъехали к тростниковой пойме Кулуджуна: сквозь просвечивающие займища камышей проглядывают зеркала водных разливов. Дальше заросли сливаются в сплошную стену, которая скрывает своих многочисленных пернатых обитателей. Белыми ключьями над Чаячьим озером носятся с криком обыкновенные чайки. От их голосов над поймой стоит сплошной гвалт.

На плесах, как поплавки, темнеют разные утки — белоглазые и голубые чернети, шилохвости и кряквы, а также редкие здесь краснобаши. Среди них самыми мно-

гочисленными стали лысухи. Все они уже держатся парами. Самцы всюду ухаживают за своими подругами, принимая всевозможные позы и демонстрируя свое мрачно-ватое темное оперение.

Опустилось солнце. Разливы окрасились в густо-алый цвет, и кажутся еще ярче и нежнее. Стая за стаяй взлетают утки. Поднявшись над озером, они быстро выравниваются в длинную цепь и исчезают в задымленной сиреневой дали. Загудели токующие бекасы. С плаксивыми и гнусавыми криками над луговинами закружились чибисы. «Веретю-веретю...» — однотонно далдонит кулик-веретенник. Налетела стая серых цапель. Неторопливые движения крыльев придают им важность и величавую медлительность. Цапли лениво переговариваются утробным кваканьем. Тяжко вздыхает большая выпь.

Ночь не замедлила опуститься. По-зимнему холодные звезды усыпали небосвод, наполненный свистом крыльев. Пора было возвращаться домой.

КАРАТУРГАЙ

Я иду по ровной тысячеголосой степи. Среди пожухлых прошлогодних типчаков, дрожащих на ветру, шелестят ковыли и чиевники, темнеют островки колючих зарослей караганы и спиреи. Вдали угадываются очертания далеких гор. Из-под ног неожиданно взлетает темная птица. Не сгибая широких крыльев, как большая черная бабочка, она медленно всплывает над землей. На какой-то миг птица останавливается, а потом, словно спохватившись, усиленно машет своими широкими, как две ладони, крыльями. Сомнений нет — это каратургай — черный жаворонок. С каждой секундой он все выше и выше поднимается в небо и вскоре обращается в едва заметную точку. Только песня его не умолкает и, даже напротив, набирает силу и, кажется, вместе с лучами солнца стекает на вешнюю степь. Жаворонок утонул в небесах, а песня живет.

И вот он стал снижаться: редкие взмахи крыльев со-

провождаются все тем же приятным пением. Плавными широкими кругами он летает над землей, проснувшейся от зимнего сна, и хлопает крыльями, словно аплодирует сам себе. Но вот, сложив крылья за спиной «лодочкой», взяв разгон, он мчится над степью, почти касаясь макушек трав, садится на вершину кустика и, повернувшись грудью к ветру, поет свою чудную песню. Иногда скользящий к земле жаворонок выбрасывает вперед свои лакированные темные лапки и по наклонной прямой идет к цели — на кочку или вершину кустика, или же камнем падает в траву. Жаворонок сразу же теряется из глаз, вместе с ним исчезает песня.

Начав читать эту книгу, я как-то невольно увлекся и скоро почувствовал, что многие ее страницы обладают доброй притягательной силой, способной хотя бы на несколько часов оторвать нас от привычной городской суеты и увести в удивительный, мудрый мир природы. И с удовольствием поддавшись этому желанному очарованию, я с искренней радостью подумал о том, что с появлением этой книги казахстанская анималистика стала богаче, интереснее, а в отряде литераторов зазвучал новый голос — самобытный, яркий, талантливый — голос писателя-натуралиста.

Эта книга обладает целым рядом бесспорных достоинств, среди которых главным мне кажется — способность восхищать человека красотой нашей родной земли: многоголовой, необычайной и обыденной земли, на которой мы живем, не замечая порой окружающей нас природы. Большую заслугу Бориса Васильевича Щербакова я вижу в том, что он не только констатирует пусть даже редчайшие экзотические наблюдения, но и делится с нами большим проникновенным чувством любви к родной земле, сыновчим чувством деятельной заботы о сохранении прекрасного, так необходимого человеку XX века, мира природы...

Как ученый и коллега Б. В. Щербакова я не могу не отметить, что эта книга свидетельствует о похвальном знании предмета писания. Безусловно, он уже владеет и таким качеством, как единство профессиональной эрудиции и писательского таланта, хотя не все еще достигнуто в этом редком и сложном сочетании. Автор молод, и, судя по прочитанной книге, он на верном пути в совершенствовании мастерства писателя-натуралиста...

Доктор биологических наук,
профессор, член СП СССР
П. И. МАРИКОВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТРОВОК ПРОШЛОГО	3
КИИН-КИРИШ	5
ИГРА СВЕТА	8
НАХОДЧИВЫЙ БЕРКУТ	9
ДРУЗЬЯ ИЛИ ВРАГИ?	10
КРУГЛОГОЛОВКИ	11
ЧИЕВНИКИ	12
МУЭДЗИНЫ ПУСТЫНИ	14
НЕПОНЯТНЫЕ УТКИ	16
ЕРЕМОСТАХИС	21
УДИВИТЕЛЬНАЯ ПТИЦА	22
ЛЕС В ПУСТЫНЕ	25
КАРАБИРЮК	26
ВО ВЛАСТИ МИРАЖЕЙ	27
У ОЗЕРА ЗВЕНЯЩИХ КОЛОКОЛОВ	30
ЗЕЛЕННЫЕ ОСТРОВА	34
НА МЕДНОЙ КОСЕ	36
НЕУТРАЧЕННОЕ ЧУВСТВО	37
БАКЛАНЫ	39
ЖИВАЯ ЖЕМЧУЖИНА	40
ЧЕРНЫЙ ИРТЫШ	42
АШУТАС	43
В ДОЛИНЕ КЕНДЕРЛЫКА	45
«КОБРА»	47
«ЧЕРТОВА ПРЯЖА»	49
БЕЛЫЙ ХОЛМ	50
ЧИЛИКТИНСКАЯ ДОЛИНА	—
ЗЕЛЕННЫЕ УШИ ПУСТЫНИ	52
ВИНОВАТ РУЧЕЕК	53
ДОБРЫЕ СОСЕДИ	54
«ЖЕЛТАЯ КАПЛЯ»	55
ПРИШЛА ВОДА	58
«ТРЯСИНА»	59
КОРИЧНЕВЫЕ АРХИПЕЛАГИ	60
ЖУЗГУН-ЖУЗАЙ	61
ЯЩЕРИЦА-ГОЛУБОГЛАЗКА	62
РИСУНКИ НА ПЕСКЕ	63
РОСИНКА	64
ЗНАМЕНИТАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ	65
ЛИЛИЯ	68
ЕЩЕ ОДИН РЕЛИКТ	69
ВЕЧЕРНИЕ ГОЛОСА	70
СЕНОСТАВКИ	71
ВАРЬКА	73
ОДИН ДЕНЬ У КУЛУДЖУНА	75
КАРАТУРГАЙ	76
О книге Б. В. Щербакова «У озера звенящих колоколов»	78

Щербаков Борис.

Щ 61 У озера звенящих колоколов.— Алма-Ата: Жалын, 1980.—80 с., 8 л. ил.

Богатство природы Восточного Казахстана проявляется не только в красоте ландшафтов, но и в их разнообразии: сыпучие, «ползущие» под действием ветра барханы Зайсанской котловины находятся в близком соседстве с горными хребтами Саур-Тарбагатай и Алтая, покрытых шапками ледников и вечными снегами.

Опытный зоолог Б. В. Щербаков рассказывает об этом удивительном крае, о редчайших животных нашей планеты, обитающих здесь.

Книга иллюстрирована. Рассчитана на самый широкий круг любителей природы.

ББК 28.658 (2К)

591.5 Каз.

Щ $\frac{70302-108}{408 (05) 80}$ 183 — 80 — 4702010200

Борис Васильевич Щербаков

**«У ОЗЕРА
ЗВЕНЯЩИХ
КОЛОКОЛОВ»**

№ 1394

Редактор Л. Самойленко

Рецензент М. Зверев

Художники Ю. Коновалов, Н. Бубе

Худ. редакторы И. Балдано, С. Ким

Техн. редакторы Л. Цой, О. Пегова

Корректор Т. Гориненко

Сдано в набор 5.12.79 г. Подписано к печати 27.05.80. УГ 13280. Формат 84×108^{2/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. П. л. 2,5+0,5 вкл. Усл. п. л. 4,2+0,84 вкл. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 24000 экз. Зак. 707. Цена 50 к. Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143. Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

50 к.

